

**Фридрих
НЕЗНАНСКИЙ**

Падший ангел

Агентство «Глория»

Фридрих Незнанский

Падший ангел

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Падший ангел / Ф. Е. Незнанский — «Автор», — (Агентство «Глория»)

Прима-балерина Большого театра Вероника Кутилина, известная любительница бриллиантов, опасается за свою жизнь. Она обращается в агентство «Глория», потому что убеждена в недоброжелательстве партнеров по сцене и бывших фаворитов, среди которых и русский олигарх, и английский адвокат, и скромный студент, и глава преступной группировки. Выполняя ее поручения, Денис Грязнов и его детективы приходят к неожиданным выводам, которые поворачивают ход следствия в другом направлении.

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

Содержание

Пролог	5
Часть 1	8
1	8
2	13
3	18
4	20
5	24
6	28
7	30
8	32
9	34
10	36
11	41
12	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Фридрих Незнанский

Падший ангел

Когда поднимаешь партнершу, тяжел не вес, а характер.
Михаил Барышников

Художник должен начертить план свой с огнем, но выполнить его с хладнокровием.
Иоганн Иоахим Винкельман, немецкий писатель и историк искусства

Пролог

Антуан Бриоли относился к светским раутам равнодушно, если не сказать больше – в глубине души он терпеть их не мог. Но положение обязывало, и Бриоли никогда не отказывался от такого рода приглашений. Была в них, однако, и положительная сторона, которая оправдывала подобный выход в свет: на раутах можно было завязать полезные деловые знакомства, которые иной раз перерастали в приносящее доход сотрудничество.

Именно на таком рауте, куда съехались бизнесмены и политики Англии, присутствовал сейчас мистер (или мсье) Бриоли, французский мультимиллионер, владелец сети дорогих супермаркетов. Откровенно говоря, он мог бы его и пропустить (лондонский филиал работал как часовой механизм, четко и бесперебойно), но имелись две причины, по которым ему пришлось тащиться из шикарной лондонской квартиры на светскую вечеринку. Первая – жена, не пропускавшая ни одного такого мероприятия. Вторая – его давнее желание открыть филиал в Глазго. Бриоли приходил в неподдельный восторг от шотландских клетчатых юбок, волюнок и суровых пейзажей. Но с филиалом не клеилось, а красавица жена настаивала. И ему ничего не оставалось, как принять приглашение и выйти с супругой в свет.

Раут проходил по случаю презентации новой коллекции молодого лондонского модельера Эрика Меллиота. Восходящая звезда модельного бизнеса представлял свою коллекцию в свежестрелированном особняке восемнадцатого века, что служило еще одной причиной, по которой сюда съехалось высшее общество, включая актеров и музыкантов. Бриллианты и жемчуг на представительницах слабого пола как нельзя лучше дополняли пышное величие просторных залов, где, без сомнения, проходили в прошлом роскошные балы. Немыслимые хрустальные люстры, свисавшие с высоких расписных потолков, заливали помещения парадным светом, в котором драгоценности женщин сияли особенно ярко и многоцветно, подчеркивая свою невероятную стоимость и общественный статус хозяек.

Бриоли скучал. Вот уже битый час он раскланивался, здоровался, натягивал на лицо приветливую улыбку. Многие из гостей были ему знакомы, иных он видел в первый раз. Супруга неизменно стояла рядом, отвечала на приветствия с такой же милой и приветливой улыбкой. Но он-то знал, с каким нетерпением ждет она показа коллекции Меллиота. А пока что приходилось вести короткие вежливые беседы со знакомыми и малознакомыми людьми. Ну и разве что попробовать расставленные на столах закуски? Пожалуй...

Невозмутимые и молчаливые официанты разносили напитки. Бриоли, дабы скрасить внутреннее одиночество, брал с подноса бокал и маленькими глотками, не торопясь, смаковал его. Изабель не пила, она вообще редко себе позволяла спиртное, даже в день их свадьбы выпила не больше двух бокалов шампанского. Ее можно было понять: работа фотомодели не допускала подобного пристрастия, а работу свою Изабель любила. Впрочем, как и мужа, которого называла не иначе как «мой мальчик».

Она слегка касалась его левой руки – ровно настолько, насколько позволяли приличия. Но на самом деле мыслями и духом была совсем в другом месте – на втором этаже, где вскоре должен был начаться показ вечерних туалетов.

Бриоли блуждал равнодушным взглядом по собравшейся публике, которая маленькими группками рассредоточилась по залам. Он надеялся встретить здесь Питера Коннери, шотландского промышленника, с которым познакомился на аналогичном мероприятии в прошлом году. Коннери видно не было, и Бриоли, искренне расстроившись, что лишился на сегодняшний вечер компании веселого увальня шотландца, взял с подноса еще один бокал.

Официант неслышно проследовал дальше, а он одним залпом осушил бокал почти наполовину. Шампанское сразу же ударило в нос, и, чтобы не чихнуть, пришлось приложить максимум усилий.

– Дорогой, я сейчас, – прошептала Изабель и грациозно удалилась в направлении дамской комнаты.

Лениво наблюдая за ее соблазнительно покачивающимися бедрами, Бриоли краем глаза зацепил появившуюся слева группу. Невысокого плотного мужчину в безукоризненном белом костюме-тройке и в очках в белой же (!) роговой оправе он узнал сразу. Элтон Джон был частым гостем на светских раутах, и всегда его окружали многочисленные поклонники. Вот и сейчас четверо молодых людей взяли знаменитость в плотное кольцо, словно боялись, что он упорхнет, не уделив им своего драгоценного внимания.

Изабель задержалась у входа в зал. Заговорила с коротко стриженной девушкой в черном декольтированном платье и положила ей руку на запястье. Тут же изменившееся лицо последней показалось Антуану смутно знакомым, вполне возможно, он видел ее на одном из бесчисленных сборищ. Он пробежался взглядом по столу, остановился на фуа-гра и под него допил шампанское.

За последующие полчаса он перебросился парой фраз с министром иностранных дел, посланником Иордании, банкиром Гарольдом Джойсом и его очаровательной супругой, годившейся тому во внуки. С четой Джойсов осушил еще один бокал – уж очень миленькой была крошка Кэтлин и не хотелось ее вот так сразу отпускать. После этого бокала мистер Бриоли почувствовал себя не совсем хорошо. Когда подошла Изабель, у него появились колики. А когда она сообщила, что объявили начало демонстрации коллекции Меллиота, у Бриоли уже кружилась голова. Нельзя сказать, чтоб сильно, но ощущение легкого головокружения было непривычным и неприятным одновременно.

– Антуан, мы идем?! – настаивала супруга.

Но ему вдруг совершенно расхотелось куда бы то ни было идти, ползти, лететь. Кроме как в свою квартиру. Головокружение накатывало волнами: то отпускало, то появлялось вновь. Искушать судьбу в данной обстановке было бы неосмотрительно, и он ответил Изабель чуть севшим голосом:

– Извини, дорогая, но я себя что-то неважно чувствую.

– В чем дело, Антуан? – встревожилась та. – У тебя действительно нездоровый вид!

Правду ли она говорила, проверить он не мог, пришлось верить на слово. К тому же появилась уважительная причина смотаться домой. И Бриоли сказал с видимым чувством сожаления:

– Пожалуй... иди на показ одна. Я вернусь домой.

– Ну конечно, о чем речь! – поддержала его супруга. – Поезжай, я возьму такси и буду сразу за тобой. И не забудь по приезде сразу же принять аспирин.

– Не забуду, – пообещал Бриоли и направился к выходу. Изабель уже поднималась по широкой мраморной лестнице на второй этаж, откуда доносилась музыка.

На улице он почувствовал себя лучше, вдохнул полной грудью, прислушался к себе. Головокружение больше не беспокоило, но и возвращаться не было ни малейшего желания. Его

черный «ягуар» подогнали так расторопно, что последние сомнения тотчас исчезли. И уже через минуту он вырулил на залитое вечерними огнями шоссе.

Слева и справа понеслись сияющие витрины, мигающие рекламные щиты и огни ночных баров. Бриоли вдавил педаль газа, и огни понеслись быстрее, постепенно сливаясь в один сплошной поток. Бриоли еще успел удивиться, почему так происходит, ведь он вел машину на допустимой в центре Лондона скорости. В следующее мгновение новая волна головокружения нахлынула с силой, заставившей его вывернуть руль к тротуару: нужно было остановиться и переждать приступ, но на глаза упала плотная белая пелена. Бриоли потянулся к педали тормоза, но не почувствовал ноги. Последнее, что он видел, был стремительно вырастающий перед ним фонарный столб.

Часть 1

Бродяга поневоле

1

В частном охранном предприятии «Глория», которое располагалось в помещении на улице Неглинная, недалеко от знаменитых Сандуновских бань, былолюдно. А точнее, там собрались все штатные сотрудники, за исключением директора.

Филипп Агеев, миниатюрный крепыш лет под сорок, витийствовал в свое удовольствие: – Вот скажите мне, какой автомобиль привлекает угонщиков больше?

Его вольные и невольные слушатели – компьютерный монстр Макс и оперативники Сева Голованов, Демидыч и Коля Щербак – либо пожимали плечами, либо делали вид, что не слышат вопроса. На автомобильную тему с Филей дискуссий лучше было не затевать. Себе дороже. Филя был фанат автотранспорта, каких поискать. И неважно, что сам он ездил то на стареньких «Жигулях», а то и вовсе на «Запорожце», оказавшемся в «Глории» в результате весьма затейливой истории¹.

Впрочем, Демидычу и Голованову было сейчас вовсе не до бесед: они собирались в командировку – на пару недель уезжали в провинцию охранять предвыборный штаб одного действующего, но трусоватого губернатора. Макс с Филей обычно предпочитал не связываться, если речь не касалась другого железного друга человека – компьютера, так что оставался Голованов.

И Сева, почесав голову, сказал:

– Дорогой автомобиль привлекает угонщиков больше. Тот, который на больше хрустов тянет.

– Ответ неправильный, – торжественно объявил Филя. – Критериев для угона много, и все зависит от угонщика и от поступившего ему заказа.

– Ничего не понял, – честно признался Голованов, которому все же было интересно, поскольку он знал, что Филе есть что рассказать. Дело в том, что еще не так давно, работая в МУРе, Филипп специализировался как раз на автомобильных ворах. С тех пор, конечно, в стране, и в Москве в частности, автомобильный рынок сильно изменился, но Филя по-прежнему был в курсе и в «Глории» занимался не в последнюю очередь вопросами возврата автотранспорта законным владельцам. Собственно, подобная работа, наряду со слежкой за неверными супругами, последние несколько месяцев и была основной статьей дохода частного охранного агентства.

– Ставлю вопрос уже, – объяснил он своему единственному слушателю. – Какой автомобиль привлекает угонщиков больше: с ящиком красного вина на заднем сиденье или без оногo? У вас уже нет «помощи зала», но вы еще можете позвонить другу, – голосом телеведущего пронудил Агеев.

– Конечно, с ящиком! – обрадовался Голованов.

– Ответ правильный, – торжественно объявил Филя. – Отсюда какой вывод делаем?

– Погоди, – сказал Голованов, который отличался превосходными оперативными качествами, но быстрота мышления в их число не входила, друзья и коллеги ценили его за другое. – Погоди, но ведь у Дениса в машине не было никакого вина!

Все дело было в том, что у директора «Глории» Дениса Грязнова угнали машину. Большую. Дорогую. Страстно почитаемую всеми его сотрудниками. Это и являлось причиной дискуссии, разгоревшейся в «Глории» (два основных вопроса русской криминалистики: кто украл

и где искать). Сам Денис уже вторые сутки находился в перманентном поиске, а сейчас общался с соответствующим проблеме милицейским ведомством.

Машины угнали с платной стоянки, которая находилась в ста метрах от денисова подъезда. Вчера в девять утра Денис вышел из дома, проклиная жару (+33°) и безработицу (ни одного стоящего дела за последние полтора месяца), добрал до стоянки и обомлел. На месте его машины стоял старенький «Москвич». Сторож ничего не знал и не видел. Хозяин «Москвича» так и не объявился; сторож смог припомнить только, что на нем приезжал мужчина возраста эдак от двадцати до шестидесяти. «Москвич» пробили по милицейским каналам. Он оказался в розыске с 1991 (!) года. Схема вырисовывалась простенькая, но действенная. Некий злоумышленник (или, что более вероятно, группа таковых), приметив машину Дениса, выбрал подходящее время, когда она стояла на стоянке, а хозяин еще не проснулся, «обменял» ее на краденый «Москвич», идеально подходящий, чтобы проникнуть на стоянку.

Денису происшествие, само собой, положительных эмоций не прибавило.

В машине у него были два мобильных телефона (плохо), записная книжка (очень плохо) и гонорар за последнее дело. На это, правда, Денису было плевать с высокой горки. Дело в том, что гонорар представлял собой аудиокассету с записью последнего альбома барда Льва Собакина. Некогда, помогая Александру Борисовичу Турецкому в одном политическом дельце, Денис имел несчастье познакомиться с этим творческим человеком¹.

Лев Собакин почему-то решил, что их мимолетное знакомство на самом деле крепкая и нерушимая дружба, которая позволяет самые разнообразные вещи, вроде того что «если я заболею, к врачам обращаться не стану, обращусь я к друзьям, не сочтите, что это в бреду...», ну и так далее в том же духе.

Собакин не заболел, его ограбили, похозяйничали на даче, пока он отсутствовал. Собакин был бард специфический – он ездил по зонам с благотворительными концертами, репертуар-то у него был исключительно бластной. Его визитной карточкой было завывание гнусавым голосом:

Этап на Север – срока огромные,
Кого ни спросишь, у всех – Указ.
Взгляни, взгляни в лицо мое суровое,
Взгляни, быть может, в последний раз...

Как ни странно, Собакин пользовался популярностью у самой разнообразной публики и умело стриг с этого купоны: клипы на наиболее популярные песни, постоянное присутствие на голубом экране – все было при нем. Благотворительные концерты были, разумеется, только надводной частью айсберга. По слухам, нажитые капиталы Собакин удачно вложил в бизнес и в настоящий момент был акционером подмосковного ликеро-водочного завода, а также ему как будто принадлежала неслабая доля в неплохом автосервисе. Все это отнюдь не мешало ему продолжать творчески развиваться в правильно выбранном направлении:

...А завтра я покину Пресню,
Уйду с этапом на Воркуту.
И под конвоем своей работой тяжкою,
Быть может, смерть себе найду.

Друзья накроют мой труп бушлатиком,
На холм высокий меня снесут
И похоронят душу мою жиганскую,
А сами грустно пропоют:

Этап на Север – срока огромные...

Ну и так далее.

И вот Собакина обокрали. Вынесли всю аппаратуру, которой в доме было на двадцать тысяч долларов, какие-то драгоценные цапки, немного денег. Но самое главное – среди прочих кассет украли сигнальный экземпляр будущего альбома. Собакин запаниковал. Он вообразил, что именно это и было целью ограбления, а остальное – для отвода глаз. Он конфиденциально поведал Денису, что среди исполнителей шансона подобные методы конкуренции еще самые мягкие.

Собакин, конечно, вызвал милицию, которая произвела все необходимые действия, не выказав, впрочем, особенного энтузиазма: следы ограбления имелись, осязаемые зацепки – нет. Будто бы даже менты намекнули барду, когда узнали, с кем имеют дело: а не лучше ли, мол, тебе, Лев Собакин, обратиться за помощью к своим корешам блатным? Но Собакин обратился к Денису Грязнову.

Денис взялся за эту историю без особого энтузиазма, но нашел вора неожиданно даже для себя самого. Им оказался сосед по даче, которого Собакин доставал своей музыкой, – так, по крайней мере, сосед объяснил Грязнову-младшему. И действительно, аппаратура лежала у него в подвале, просто сваленная в кучу. Историю спустили на тормозах. Собакин пришел в восторг и рассказал о подвиге Дениса всем своим корешам. Частному сыщику такая реклама была и даром не нужна, и он посчитал за лучшее поскорей распрощаться с клиентом, как вдруг тот нагрянул в офис «Глории» на Неглинной. Привез пресловутый новый альбом и был уверен, что всех облагодетельствовал. некоторое время Филя Агеев ходил по офису характерной походкой блатного и гнусаво выводил:

Этап на Север – срока огромные...

Узнав о пропаже альбома Собакина, Денис помотал головой, как бы отгоняя дурной сон.

Слава богу, что избавился наконец от этой, с позволения сказать, музыки, а то болталась в бардачке, и он время от времени машинально запихивал ее в магнитофон. Жаль только, что от кассеты Денис избавился вместе с машиной.

Машина, как уже было сказано, у Дениса была отменная. Он был фанатом марки «Форд». За последние годы он перепробовал массу различных моделей: «форд-скорпио», ездил на «форде-фокус» российской сборки, потом был дизельный «мондео» и, в конце концов, уже окончательно пересел на внедорожник. Как ни странно, именно джип пришелся больше всего по вкусу частному детективу, именно в нем он чувствовал себя максимально комфортно в мегаполисе, где отсутствие пробок на дорогах – аномалия и приятный сюрприз.

Маневренность маневренностью, но дело в том, что у Дениса, в силу его профессии и образа жизни, к машине были совершенно конкретные требования. Во-первых, такая характеристика, как «представительность», ему ни к чему. (Для представительности у Дениса имелся дядя – генерал-майор и начальник уголовного розыска.) То есть престижный седан или роскошный кабриолет отпадали автоматически – к тому же еще и в силу стоимости. Конечно, хороший джип мог даже и превосходить их по цене, но его надежность и специфические вездеходные качества – от этого просто так не отмахнешься.

Денис решительно игнорировал популярные японские внедорожники. Последние четыре года у него был «форд-маверик». «Маверик» переводится с английского как «индивидуалист», и Денис звал своего железного коня Бродягой. Несмотря на относительно небольшие размеры, «маверик» – истинный американец. Даже в Денисовой, предназначенной для Европы, версии

рычаг автоматической трансмиссии был расположен на руле, как у породистых янки, к тому же и салон был по-американски комфортен. А Денис его еще и усовершенствовал.

В боевых ситуациях, которых за время, проведенное в «Глории», случилось немало, лучше было оказаться в джипе, чем в изящной, «игрушечной» машинке. Оборудован же Бродяга для таких случаев был соответствующим образом. Конечно, не машина Джеймса Бонда, но все-таки: в дверной панели Денис установил обрез двенадцатого калибра. Один конец провода был закреплен на спусковом крючке, другой – под приборным щитком. Это позволяло водителю спокойно открывать дверь левой рукой и стрелять – правой. А с помощью бокового зеркала и вовсе вести прицельную стрельбу, не выходя из машины. Правда, честно сказать, устройство было приведено в действие лишь один раз за три года, но, возможно, спасло ему жизнь. Полезное техническое усовершенствование автомобиля Денис почерпнул, как ни странно, из... детектива в мягкой обложке, в котором нечто подобное было у бывшего агента немецкой «Штази». А еще говорят, что от бульварного чтива никакого проку!

А уж что касается скорости... Даже Филе Агееву, большому любителю активной езды, трехлитровый двигатель Бродяги казался излишне резвым, а уж спокойный во всех отношениях Владимир Демидов, или попросту Демидыч, иначе как «зверской» тачку Дениса не называл. Машина в самом деле казалась быстроходной для своего класса. А как она была беспрекословно послушна и замечательно устойчива даже на ста восьмидесяти километрах в час!

Что же касается парковки, то для джипа «маверик» был вполне компактен: Денис умудрялся втискиваться в крошечные полости на служебных стоянках – что на Большой Дмитровке, когда приезжал к Турецкому, что на Петровке, когда навещал дядю.

...Филе Агеев тем временем продолжал развивать свою мысль:

– Любая фигня, валяющаяся на заднем сиденье, в четыре раза повышает риск угона авто. Это же элементарно! Проверено опытным путем. Когда я работал в МУРе с Вячеславом Ивановичем Грязновым, мы про...

– Я тоже работал в МУРе с Вячеславом Ивановичем Грязновым, – встрял Голованов.

– Конечно-конечно, – успокоил его Филе. – Так вот, когда я работал в МУРе с Вячеславом Ива...

– Мы тут все работали в МУРе с Вячеславом Ивановичем Грязновым, – напомнил в свою очередь и Демидыч, безуспешно пытаясь затолкать в сумку пистолет с навинченным на него глушителем.

– Черт, да помню я! – разозлился наконец Филе, чего, собственно, присутствующие и добивались. – Вы послушайте, что мы придумали! Мы сделали подставу на бесплатной стоянке, славящейся своей «безопасностью». Из пятидесяти машин в двадцати пяти на заднем сиденье лежали всякие разные вещи: портфели, игрушки, бутылки вина.

– Филе... – сказал вдруг Коля Щербак.

– Не мешай! Так вот, в трех случаях из пяти угонщики польстились на эти машины! Понятно?! Вообще же беспечность автовладельцев просто поражает. Я видел оставленные видеокамеры и ноутбуки, стоимость которых превышала стоимость самой машины. Да я просто уверен, что у Дэна его мобилы прямо на сиденье валялись! И записная книжка, похожая на портмоне, и что там еще было...

– Филипп! – повысил голос Демидыч.

Филе почувствовал, что на него все смотрят теперь как-то по-другому, и, повернувшись, увидел наконец Дениса, который стоял в дверях последние несколько минут и слушал всю эту эскападу.

– О, босс! – обрадовался Филе как ни в чем не бывало. – Есть хорошие новости?

– Есть, – уныло сообщил Денис. – Добрые люди одолжили мне тачку.

– Крутую? – спросил Филе.

– Вместительную? – спросил Голованов.

– Джип? – спросил Демидыч.

– Больше, чем наш Бродяга? – спросил Коля Щербак.

И только Макс ничего не спросил. Макс был занят делом. Он собирал в Интернете информацию об угнанных машинах. Там было много сайтов, на которых несчастные экс-автовладельцы делились своими рефлексиями.

– «Фольксваген-гольф», – мрачно сказал Денис, показывая пальцами размер миниатюрной машинки.

По «Глории» прокатился вздох общего разочарования.

Щербак с Демидычем, собственно и застрявшие в офисе, чтобы попрощаться со своим молодым шефом, поехали в Шереметьево. Неугомонный Филя пошел осматривать упомянутый «фольксваген». А Денис бухнулся в кресло и вытянул уставшие за день ноги.

Макс хмуро посмотрел на него и наконец открыл рот:

– Что, никакого просвета?

– Как в танке.

– Но машина-то вроде ж была застрахована?

– А ты откуда знаешь? – удивился Денис. – Я никому об этом не говорил.

– Ты забыл, полгода назад приезжали из страховой компании – посмотреть состояние джипа и перезаключить договор. Это при мне было.

– А... точно.

– Ну так, значит, денежку тебе вернут.

– При чем тут денежка? – с обидой протянул Денис. – Я друга потерял, понимаешь ты?

– Я стараюсь, – честно признался Макс. – Но... не выходит.

– Ладно. Звонил кто-нибудь?

– Адвокат твой.

– Юрка Гордеев? Чего хотел?

– Сказал, клиент для нас есть. Толстый.

– О! Так что же ты молчишь?!

– Хотел, чтобы эти гаврики из офиса убрались и не мешали работать.

– Ну ты и жук, – покрутил головой Денис и потянулся к телефону.

2

Утром следующего дня Денис внимательно рассматривал роскошную молодую женщину, сидящую на кожаном диване (кожаная мебель в Денисовом офисе появилась отнюдь не в результате роста материального благополучия «Глории», – ею расплатился очередной клиент).

Бесконечные ноги идеальной формы намертво приковывали мужской взгляд, и Денису требовалось сделать усилие, чтобы посмотреть их обладательнице в глаза. Классический костюм темно-вишневого цвета от Джанфранко Ферре (скорее, он подошел бы скромнице, если бы не был от Джанфранко Ферре) на этой даме выглядел как самый эротичный наряд.

– Итак, вы готовы взяться за мое дело? – требовательно спросила посетительница. Похоже, что она привыкла повелевать.

Денис уклонился от прямого ответа:

– Вы мне еще ничего не рассказали. Изложите ситуацию подробнее, пожалуйста.

Ну Юрий Петрович удружил! «Тебя ждет сюрприз, тебя ждет сюрприз, Денис! Тебе понравится, тебе точно понравится...»

По сдержанному хихиканью адвоката Гордеева Грязнов-младший почему-то сразу предположил, что речь пойдет не только о хорошем гонораре, но и о каких-нибудь внутрисемейных разборках «новых русских». Но увидеть перед собой звезду русского балета и героиню светской хроники Веронику Кутилину он точно не ожидал. Пожалуй, теперь Денис начинал понимать, почему Кутилина известна далеко за пределами ограниченного круга балетоманов и ее популярность сравнима с известностью звезд эстрады. И дело не только в ослепительной красоте этой яркой брюнетки, дело в том, что ее сексуальность просто физически ощущалась в воздухе небольшого кабинета Дениса.

– Понимаете, я даже не знаю, как это объяснить...

– Что-нибудь личное?

– Да, вы совершенно правы, дело очень деликатное, Юрий Петрович говорил мне, что...

– Юрий Петрович абсолютно прав, – подтвердил Денис. – Даже если вдруг мы не договоримся о сотрудничестве, полная конфиденциальность вам обеспечена. Все, что вы сейчас скажете, никто, кроме нас двоих, не узнает.

– Мне психологически трудно объяснить эту ситуацию. Со мной такое первый раз. Я даже не знаю, как реагировать...

Любовник ей, что ли, изменил? И теперь надо выследить его новую пассию? Или речь идет о более сложной комбинации? А может, напротив, требуется собрать компромат на чью-нибудь жену, чтобы ускорить звон свадебных колоколов? Впрочем, не исключено, что псих какой-нибудь среди поклонников затесался. Девушка-то она известная. Последнее время что ни глянцевого журнал, то обязательно она на обложке красуется. Уже была и в «Домашнем очаге», и в «Культе личностей», и в «Красоте и здоровье». С телеэкрана не сходит, причем далеко не всегда в пачке белого лебедя. У светских хроникеров, кажется, на данный момент главная задача – засечь, кто у Вероники Кутилиной новый покровитель, он же счастливый поклонник, приближенный к ее возвышенному искусству. Уж на что Денис не был завзятым театралом, но даже его не обошла стороной эта лавина всеобщего восхищения, поклонения, интереса...

– Давайте я попробую изложить, как было, – сказала она с непередаваемой интонацией. – У меня был поклонник, понимаете?

Денис припомнил прочитанное о балерине в последний раз. Кажется, истинный поклонник в понимании Кутилиной – это богатый покровитель, добровольно жертвующий в поддержку балета значительные суммы. При этом Вероника яростно отрицала, что мужчиной двигают какие-то иные интересы, кроме энтузиазма по поводу классической хореографии и самой

Кутилиной как выдающейся представительницы этого искусства. А впрочем, надо послушать ее саму, мало ли что газеты наплетут.

– Он так восхищался моим искусством, так благоговел перед моим танцем, так трогательно относился ко мне...

Денис вопросительно приподнял бровь.

– Да, он очень во многом помог мне, – несколько запальчиво заявила Кутилина. – Если бы не он, мои сольники в зале «Россия» могли бы вообще не состояться. Понимаете, это был мой настоящий бенефис, нужно было, чтобы все прошло на высшем уровне. Это ведь такие организационные расходы. Афиши, общение с прессой, новые костюмы. Зрителю давно уже наскучило смотреть на задохлых балерин в ветхих пачках. Сейчас искусство надо энергичнее преподносить зрителю. Вы согласны, Денис?

Похоже, что Кутилина села на своего излюбленного конька. Хорошо бы ее от рассуждений о судьбах современного балета развернуть к сути дела.

– Вероника, как зовут вашего поклонника?

– Макаров. Дмитрий Семенович Макаров. Он предприниматель.

– Я, кажется, знаю, о ком идет речь, – задумчиво произнес Денис. – Он известный меценат, да? Видел его на днях в «ящике». В какой-то светской хронике, что ли...

Кутилина вздохнула, грациозно переложила ногу на ногу и, наконец, решилась высказаться прямо:

– Вам я скажу по секрету. Он интересовался не только искусством.

За кого она меня принимает, начал злиться Денис. Определенно, за полного идиота. Сейчас сообщит секрет полишинеля: скажет, что они спали вместе. Странно, такая девица энергичная, а как-то фальшиво жеманится. Видимо, это такие балетные условности: что бы ни произошло, закатывать очи к небу и трепетать крылышками. Во! Экзальтация, вспомнил Денис подходящее слово.

– Нас связывали глубокие и серьезные отношения. Мы собирались обвенчаться.

– Простите, Вероника, но чем мы можем помочь? Организовать охрану и наблюдение на свадьбе? Это не наш профиль вообще-то, да и людей у нас маловато для таких задач.

– О, вы не так поняли, – страдальчески поморщилась балерина. – Речь о свадьбе уже не идет. – Кутилина закусил губу, вздохнула и, видимо решившись, выпалила: – Он неожиданно совсем ко мне охладел. Еще недавно мы жили вместе в его загородном доме, летали встречать новый год в Париж, планировали совместное будущее, и вдруг...

– И что случилось? – вежливо поинтересовался Денис и подумал: барышне, скорее, к гадалке надо, ворожее. Хотя при ее внешних данных и известности обзавестись другим богатым поклонником не составит никакого труда.

– Вы думаете, наверное, что я сошла с ума и с такими проблемами к частному детективу не обращаются? – словно прочитав его мысли, спросила Вероника. Тут с ней произошла очередная метаморфоза, и она сказала жестким, властным тоном: – За всю мою жизнь еще ни один поклонник не расставался со мной по своей инициативе. Начиная со школьных лет. Данная ситуация абсолютно нетипична. Макаров, он... Я боюсь за свою жизнь.

– Что? – удивился Денис. – Он вам угрожал?

– В том-то и дело, что нет. Но недавно приснился сон, в котором Дмитрий меня отравил. Денис сидел молча, еще не решил, как реагировать.

– Да-да, не смейтесь!

– Не собираюсь я смеяться, Вероника. Какую почву может иметь ваш сон в реальности?

– Я знаю, я чувствую, – с нажимом и какой-то новой интонацией произнесла она, – он хочет от меня избавиться!

– Он ведь уже это сделал, – напомнил Денис.

– В физическом смысле. Я уверена, что он меня отравит или сделает что-то другое... Мне необходима ваша защита!

Денис почесал голову. Он даже несколько растерялся, хотя решать подобные проблемы – это и была его профессия. Но проблемы, существующие наяву. А здесь как быть? Экс-поклонник – отравитель? Вроде обычно агрессивны бывают отвергнутые поклонники, а не те, которые сами сделали ноги.

– Понимаете, Вероника...

– Зовите меня Ника, – перебила она.

– Понимаете, Ника, это неоднозначная ситуация. По-честному, вам нужно обратиться в милицию.

– Что я, не знаю, как у нас в органах работают!..

Денис остановил ее движением руки:

– Не обобщайте раньше времени. Тем более что все равно в милицию вам идти не с чем, там вас высмеют, хоть денег за это и не возьмут. Никаких ведь оснований материалистического характера, чтобы утверждать, что вы видите угрозу своей жизни со стороны господина Макарова, не имеется, я правильно понял?

Она кивнула, и вдруг из синих глаз разом выкатились две слезы и медленно поползли параллельным курсом. При этом лицо ее оставалось абсолютно спокойно, ни одна черточка не искривилась. Денис как замороженный смотрел на эти две капли и вдруг почувствовал непреодолимое желание вытереть их. Ведьма она, что ли?

Через несколько секунд он все же взял себя в руки и сказал немного осипшим голосом:

– Я могу приставить к вам своего сотрудника, который будет контролировать все внешние движения вокруг вас. Но это трудно и на сто процентов вряд ли выполнимо, тем более если злоумышленник... если потенциальный злоумышленник захочет воспользоваться каким-нибудь изощренным способом...

– Я... я вас не понимаю, – прошептала Ника-Вероника, приближая к нему лицо.

– Ну, – пробормотал Денис, – если Макаров или кто-то другой, им нанятый, правда захочет вас отравить, то как же я или мои люди об этом вовремя узна... – Денис не смог закончить фразу по чисто техническим причинам.

В офисе, кроме их двоих, никого не было. Филя копался в «фольксвагене», на котором пока что ездил директор «Глории», недовольный коробкой переключения скоростей.

Вероника упала на диван, и Денис так и не понял, то ли это он ее толкнул, то ли она сама его притянула. И время остановилось...

Полчаса спустя, приглаживая в душевой мокрые волосы, он напряженно смотрел на себя в зеркало, а в голове вертелась нехитрая в общем-то мысль: секс с клиенткой! Что может быть непрофессиональней?! Он вернулся в кабинет. Балерина сидела вроде бы расслабленно, а с другой стороны, спина ее была идеально ровна, нормальному человеку такое недоступно. Она смотрела прямо перед собой и сказала, не глядя на Дениса, будто возобновляя минуту назад прерванный разговор:

– К тому же нас с Макаровым связывает ряд деловых проектов, касающихся моих выступлений. Он неожиданно и без всяких объяснений прервал их финансирование. Во всем, что касается финансов, господин Макаров – человек скрупулезно-педантичный и в высшей степени обязательный. Даже если он по каким-то причинам решил бы выйти из игры, то предоставил бы необходимые объяснения – если не мне, то моему коммерческому директору. Но это не было сделано. Если вас, Денис, устроит такое объяснение его агрессии по отношению ко мне, то – пожалуйста, мне все равно, по какой причине вы меня защитите.

Умница, подумал Денис и с немалым облегчением тоже перешел на официальный тон:

– И какие услуги вы хотели бы получить в нашем детективном агентстве?

– Я хочу, чтобы вы разобрались в этой ситуации и объяснили мне причины поведения Димы... то есть господина Макарова. Наверняка для этого придется за ним наблюдать, ну и использовать те методы, которыми вы в совершенстве владеете, по свидетельству Гордеева.

– Хорошо, вот наши расценки. – Денис протянул Кутилиной прайс-лист частного охранного предприятия «Глория». – Но хочу вас предупредить, что в нестандартной ситуации...

Она даже не стала брать в руки документ, протянутый частным сыщиком:

– Ах, оставьте! Моя ситуация требует совершенно особого отношения, и именно за это особое отношение я готова платить. Надеюсь, что такая сумма гонорара вас устроит? – Она быстрым росчерком золотого «монблана» написала цифру на листочке бумаги и протянула его Денису. Сумма обозначенного гонорара на порядок превышала их обычные расценки. Кутилина оценила выражение его лица и заявила: – Вот и замечательно. Начинайте собирать информацию. Вам же потребуется какое-то время, чтобы войти в курс дела. Да и наш балетный мир имеет свою специфику, с ней надо познакомиться. Через неделю свяжитесь со мной и расскажите, как продвигается дело. Вот аванс. – На стол лег конверт.

По-прежнему исключительно прямо держа спину, она поднялась с дивана и покинула кабинет Дениса так, будто ее сопровождал гром аплодисментов, абсолютно уверенная в своей неотразимости. А впрочем, ведь так оно и было.

В опустевшей комнате чувствовался аромат ее пряных духов. Перед Денисом лежал пухлый конверт с купюрами, но он рассматривал визитку Кутилиной, которую она достала из ридикюля вместе с деньгами. Вычурный логотип «Вероника» со стилизацией под старинную каллиграфическую вязь. Этот логотип можно было встретить на афишах, расклеенных по всему городу, и на открытках fly cards, которые бесплатно раздавались во всех модных кафе и ресторанах. Ниже простым, рациональным шрифтом значилось: «Вероника Кутилина, балерина», а также номера телефонов, адрес электронной почты и сайта в Интернете.

И что теперь с этой фишкой делать? – задумался Денис. А также с ее сбжавшим ухажером? Ладно, надо заняться балетным ликбезом, решил он и полез в Интернет за общей информацией. Обычно эти функции исполнял компьютерный монстр Макс, но Макса нынче не было в «Глории»: вчера счастливчик улетел на Черное море и сейчас уже был где-то между Гурзуфом и Алуштой. А точнее, не на море, а в море, потому что, когда они говорили последний раз, Макс, не расстававшийся со своим мобильным телефоном (специальная водонепроницаемая модель), готовился совершить грандиозный заплыв метров на десять.

За четверть часа Денис сделал подборку отзывов о творческой судьбе Кутилиной из самых разных изданий. Оказалось, что большинство рецензий были весьма хвалебными и даже написаны словно одним автором. Означать это могло либо то, что статьи были заказные (Денис знал, что у журналистов это называется «джинса» – проплаченная скрытая реклама), либо то, что их писал... один и тот же человек. Впрочем, одно не исключало другое. Почему-то о значительно более успешных звездах балета типа Нины Ананишвили или Ульяны Лопаткиной в столичной прессе достаточно резких отзывов встречалось значительно больше, чем о Веронике Кутилиной.

А почему это, задумался Денис. Может, потому, что большинство театральных и балетных критиков воспитываются в своих серпентариях и свежему человеку с непривычки тяжело разобраться в этом клубке змей? очень может быть.

Денис вспомнил старинный анекдот про зависть балерин к успеху друг друга. «Неужели балерина может пожелать другой балерине сломать ногу, растянуть связку, упасть с поддержки? Да что вы! Никогда... Такое просто невозможно... Балерина может пожелать другой балерине только... смерти!!!»

Ага, а есть ли у нашей красавицы соперницы? И на сцене, и в любви? Впрочем, если речь идет о солидных пожертвованиях воздыхателей-балетоманов, то, вполне вероятно, борьба за богатых поклонников идет жесткая.

Денису надоело разбираться с балетными сплетнями в сети, и он решил обратиться к одной знакомой старушке благородных кровей, которая помнила выступления чуть ли не самой Анны Павловой и до сих пор сохраняла живой интерес к событиям в балетном мире. Жила она в доме для работников искусств на Тверской, потому что ее последний муж, почивший уже лет пятнадцать тому назад, был заслуженным балетмейстером. Бодрая же Анастасия Аполлинарьевна до сих пор посещала все премьеры в Большом театре.

Знакомство было с одной стороны случайным, с другой – символическим. У старушки был сосед, Эммануил Степанович Сазонов – известнейший в профессиональной среде специалист по созданию – не фотороботов, нет, – уникальных настоящих портретов со слов свидетелей, совершенно незаменимый человек в МУРе. У Анастасии Аполлинарьевны однажды весной исчезла кошка, точнее, кот, тринадцатилетний огромный перс, никогда не покидавший пределов квартиры, и Сазонов посоветовал обратиться к помощи молодого частного сыщика. Денису повезло. К некоторому собственному изумлению, он кота нашел (мерзавец забрался на чердак, а назад отчего-то дорогу забыл) и со старушкой подружился.

Итак, он созвонился с завзятой театралкой и был к вечеру приглашен на чай. Конфеты покупать было нельзя (Анастасия Аполлинарьевна берегла фигуру и не позволяла себе ни кусочка шоколада!), а вот экзотические фрукты обожала, и Денис, уже стоя перед ее домом, полчаса выбирал спелый ананас, нажимая на его «черепашьи» клеточки: если поддавались легко и отступали, тут же возвращаясь на место, значит, самое время быть ему съеденным.

А потом еще раз перезвонил Гордееву и сдержанно поблагодарил за клиентку.

– Ты не очень-то любишь балет, верно? – ухмыльнулся в трубку Гордеев.

– Да как сказать... Мне, в общем-то, все равно. Я слышал, что есть только два извращения, и отнюдь не сексуальные, – хоккей на траве и балет на льду.

– Это Фаина Раневская сказала, – немедленно сообщил эрудит Гордеев. – Но Кутилина к балету на льду никакого отношения не имеет, не вздумай при ней что-нибудь такое ляпнуть.

Едва Денис положил трубку, позвонил дядя. Он интересовался судьбой пропавшего джипа.

– Не пропавшего, а угнанного, – поправил Денис.

– Один черт, – сказал Вячеслав Иванович. – Пропавший – это и есть угнанный. Мы когда-то в МУРе проводили эксперимент...

– Знаю-знаю, наслышан.

– Ну так что, имеются новости?

– Имеются. У меня появилась клиентка. Балерина.

– Я про машину говорю.

– И я про машину. Заработаем на новую.

– Понятно, – вздохнул дядя и отключился.

3

В половине седьмого Грязнов-младший сидел в гостиной у пожилой дамы и угощался ароматным травяным чаем.

– Так вы, голубчик, заинтересовались балетом? Жаль, что вас не приобщали к искусству с младых ногтей. Ваши родители все-таки кое-что упустили в вашем эстетическом воспитании, молодой человек, разве что Конан Дойля вас читать заставляли, сознайтесь? – Она лукаво погрозила пальчиком.

Денис внутренне вздохнул. Это была неизбежная прелюдия. Наконец чай был выпит, приличия соблюдены.

– Понимаете, Анастасия Аполлинарьевна, мы по работе столкнулись с балериной Кутилиной.

– Вероника Кутилина? Балерина? – Голос хозяйки стал негодующим: – Только совершенно невежественные люди могут считать ее настоящей балериной!

Это было настолько неожиданно, что Денис даже растерялся.

– Но она же... танцует на этих... на пуантах... В пачке... В Большом театре Одетту-Одиллию в «Лебедином озере» исполняет, – замямлил Денис.

– Голубчик, Большой театр последние годы в крайне запущенном состоянии. Это наша боль и наш позор. К счастью, хоть петербуржцы молодцы и держат русский балет на высоте. Только в столь скорбные времена для русского искусства возможна ситуация, когда танцовщицы уровня Кутилиной танцуют сольные партии и считаются звездами русского балета. Но знатоки ее, конечно, балериной не считают. К балету ее творчество имеет весьма опосредованное отношение.

– Подождите, но как же ее популярность? – заволновался Денис. – Она же полный концертный зал «Россия» на свои бенефисы собирает. Не у каждого эстрадного певца там аншлаги.

– Вот, молодой человек, совершенно верное замечание – эстрадный певец! Именно! Кутилина устраивает эстрадное шоу, используя для этого отдельные элементы классической хореографии. По большому счету, у нее, конечно, есть некоторые способности. Но для того чтобы блистать в «Мулен Руж» или «Крейзи Хорс», а не в Большом театре. Там как раз такие девушки и нужны – высокие, красивые, сексуальные, с хорошей хореографической подготовкой.

– Но она же танцевала сольные партии в лучших театрах мира – в Лондоне, Париже, кажется...

– И ни один театр мира с ней контракт не продлил, кстати. На Западе уже давно освоили классическую русскую школу и прекрасно видят, когда девочка, которую нельзя пускать дальше третьей линии в кордебалете, пытается изображать из себя настоящую балерину. Впрочем, некоторые люди, и их совсем немало, Толю Ваксина тоже считают оперным певцом, хотя его тембр абсолютно непригоден для оперы.

– К черту Ваксина, – забыл о приличиях Денис. – Но как же восторженные рецензии в прессе? Их ведь настоящие балетные критики пишут?

– В России, голубчик, сегодня за деньги напишут все, что угодно. Те же журналисты могут разгромить выступление Фаруха Рузиматова, назвав его танцовщиком для «Лидо», или Ульяны Лопаткиной, прикрепив ярлык «средненькой» балерины. А это не просто выдающиеся мастера, это ВЕЛИКИЕ балетные артисты. Рузиматов – это Нуреев сегодня, а Улечка продолжает линию «белых» лебедей Павловой, Улановой. Немногих можно сравнить с ними.

– То есть вы хотите сказать, что Вероника Кутилина без мощной рекламной поддержки, без концертов по телевидению, без обложек глянцевого журнала, без афиш, расклеенных по всему городу, и без оплаченных рецензий – ноль без палочки?

Тут почтенная дама вдруг пошла на попятную:

– Ну я бы не стала выражаться столь резко. Ее неплохо выучили в нашем училище, хотя у нее данные были очень средненькие. Ни шага, ни прыжка. Правда, иногда бывает, что детки с весьма средними исходными данными творят чудеса, а те, кто был щедро наделен природой, полностью разменивают свой талант. Но для этого нужен истинный фанатизм, и если хотите – подвижничество, а Ника Кутилина – совсем не из тех деток, одержимых балетом. – Тут хозяйка задумалась. – Послушайте, Денис, вас действительно интересует эта девочка во всех подробностях?

– Да, Анастасия Аполлинарьевна, именно так, – закивал Грязнов-младший.

– Хотите, я к нам на чай приглашу Елизавету Аркадьевну, она учила девочек все годы их учебы в училище Большого театра.

– Девочек?

– Из самых известных сегодня танцовщиц ее ученицы – это Вероника и еще одна очень перспективная девочка, Оленька Шаболина.

– Анастасия Аполлинарьевна, сегодня мне уже пора бежать, но я буду крайне признателен, если вы устроите эту встречу.

– Конечно-конечно, молодой человек. Нам с Лизонькой будет очень приятно.

Денис покинул квартиру, заставленную старинной мебелью и увешанную старыми афишами Большого театра. Он, кстати, обратил внимание, что даже самые известные звезды балета, как правило, ограничивались классическими «фирменными» афишами Большого. Кутилина же расклеивала огромные плакаты со своим изображением по всей Москве, как будто рекламировала новый сорт шампуня или мыла. Денис еще вспомнил рекламные ролики на телевидении, там она «продавала» какую-то косметику, их крутят довольно часто.

По дороге домой он скупил кипу глянцевого журналов и желтых газет, где на обложке разглядел имя Кутилиной. Надо будет почитать на сон грядущий...

Позже, пролистывая прессу, он обнаружил, что Вероника упоминается прежде всего как персонаж светской жизни и завсегдатай модных тусовок. Он выписал названия всех заведений, в которых папарацци часто фотографировали девушку, и понял, что это самые дорогие и престижные рестораны Москвы. Светские репортеры подробно перечисляли, платья от какого кутюрье носит Кутилина, какие бриллианты на ней были надеты, из какого меха было манто. Похоже, что позиции Вероники в модной тусовке золотой молодежи были значительно весомее, чем ее звездный статус в балете. Впрочем, молодежью на светских раутах можно было считать скорее представительниц прекрасной половины человечества. Мужчины были отнюдь не мальчиками. В основном это были солидные бизнесмены, сильно за сорок, а то и за пятьдесят лет. И потом, какая ему, Денису, разница, насколько хорошо Кутилина пляшет или, простите, танцует? Главное, чтоб человек был хороший. И гонорар.

4

– Мама, ты дома? – крикнула Вероника в глубь своей бездонной квартиры.

– Бегу, бегу, Вероничка! – навстречу ей поспешно выскочила Екатерина Алексеевна, по-прежнему, как и в детстве, делающая все от нее зависящее, чтобы окружить дочь всем самым необходимым. – Ты сразу в душ или сначала поешь?

Шикарные их апартаменты располагались на Кутузовском проспекте в добротном сталинском доме и занимали целый этаж в пределах одного подъезда. Соседи были отселены усилиями деятельной Екатерины Алексеевны. Не загородный дом, конечно, но тоже весьма и весьма достойно, и даже Макаров, когда впервые побывал тут, едва зайдя в прихожую, удовлетворенно прищелкнул языком. Особенной гордостью Екатерины Алексеевны были даже не мебель из красного дерева, по заказу изготавливавшаяся итальянским мастером (большим поклонником Веронички, специально прилетавшим в Москву снимать мерки), и не домашний кинотеатр с экраном размером до потолка, где круглосуточно беззвучно крутились лучшие Вероничкины партии, и даже не удивительная планировка квартиры – круговое расположение комнат вокруг огромной сверкающей кухни. Больше всего Екатерина Алексеевна любила зимний сад, и каждого гостя она могла часами пичкать сведениями о том или ином экзотическом растении, привезенном Вероникой с очередных гастролей. Вероника объяснила матери, что, расположенный согласно идеям восточного искусства фэн-шуй, он – к деньгам. А денег, как известно, много не бывает.

– Мама, сделай мне ванну, пожалуйста. И гидромассаж включи. А на ужин изобрази что-нибудь легонькое, малокалорийное. Но вкусное. Как только ты умеешь. – Вероника ушла в комнату, специально оборудованную под гардеробную.

– Вероничка, у нас гости, – крикнула ей вдогонку мать.

Но Вероника уже была в спальне. Обстановка своим изяществом балансировала между классикой и модерном. Но элегантность эта была какая-то тревожная. В гигантской, тридцатиметровой, комнате широкие окна не были укутаны парчой, а закрывались раблезианского размера ставнями в плантаторском стиле. Вообще же любая мебель была слишком мала для этой комнаты и выглядела кукольной, поэтому хозяйка отказалась от нее вовсе, оставила лишь одну тахту, над которой висела немыслимо-фиолетовая картина – подлинник Шагала, между прочим. Иногда, в те редкие часы, когда не могла заснуть, Вероника зажигала свечи, много свечей, десятки свечей в высоких канделябрах, стоявших прямо на полу, вдоль голых стен, открывала окно, и эти колышущиеся от ветра огоньки были словно ее ночные гости.

Хмуря брови, Вероника стояла перед огромным зеркалом во весь рост и раздраженно думала, кого еще ее мать притащила домой «на чашку чаю». Ну неужели нельзя это делать в ее отсутствие? Опять наверняка какой-нибудь старушенции рассказывала, как всю жизнь положила на то, чтобы дочь стала звездой балета. И что теперь прикажешь делать? Вместо того чтобы отдохнуть полноценно в редко выпадающий свободный вечер, с какой-нибудь старой перечницей придется разговоры разговаривать на кухне. Вероника сбросила костюм, который специально надевала, отправляясь в офис к Грязнову, и, оставшись в черном кружевном белье, лениво размышляла, что бы такое надеть к маминым гостям.

– И кто же у нас в гостях, мамуля? – деланно веселым голосом бросила Вероника в сторону кухни.

Несмотря на то что гиперопека матери ее частенько доставала, она старалась сохранять с Екатериной Алексеевной нормальные, как она это про себя называла – «рабочие отношения», дабы не тратить сил на семейные конфликты. Хотя при ее доходах можно было легко найти хорошую домработницу и горничную, но мать Вероники не просто тащила на себе все хозяйство, она была абсолютно преданным человеком, и, разумеется, обожала свою дочь. Именно это

сочетание идеальной домохозяйки и человеческой верности эгоцентричная, как все актрисы, Вероника особо ценила в Екатерине Алексеевне. Обычные же дочерние чувства у нее остались где-то далеко в детстве. Если все люди делятся на тех, кто ей полезен или может быть полезен, и тех, кто мешает или может помешать, то почему для родной матери нужно изобретать отдельную классификацию? Екатерина Алексеевна полезна. Надо только объяснить ей, чтобы она была осторожнее в разговорах с приятельницами, не говоря уже о журналистах. А то опять выболтает ненароком, что Веронику приняли в училище только с третьего раза, и то при помощи вспомогательных средств в виде звонка от нужного человека в приемную комиссию.

– Деточка, к нам Борис Савельевич пришел.

Вероника поморщилась. Борис Савельевич был давним маминым воздыхателем и имел склонность засиживаться в гостях достаточно долго. Интересно, сколько они уже тут тусуются? Наконец Вероника выбрала шелковое домашнее платье темно-синего цвета – этакий свободный балахон в стиле ранней Пугачевой. Разумеется, на Веронике с ее роскошной фигурой с идеальными пропорциями подобное одеяние смотрелось куда эффектнее. Эта нехитрая мысль порадовала молодую женщину, и она зашла в ванную уже в прекрасном настроении. Джакузи с гидромассажем всегда ее успокаивала, поэтому был шанс, что к столу она выйдет вполне дружелюбно настроенная. А то однажды они с матерью чуть ли неделю не разговаривали из-за того, что Вероника сорвалась при какой-то ее приятельнице. Не то чтобы Веронике было жаль мамину подругу или неловко перед матерью, но подобные размолвки сильно выбивали ее из колеи, нарушая привычный ритм жизни и лишая ее необходимого комфорта. Она уже давно привыкла не думать о том, кто подогреет утром полотенца, приготовит завтрак с точным количеством калорий и вовремя сдаст в химчистку ее одежду.

В это время Екатерина Алексеевна, худощавая дама возраста вынужденной элегантности, мирно ворковала с пожилым адвокатом.

– как, Екатерина Алексеевна, дела у Вероники?

– Борис Савельевич, голубчик, спасибо за ваши хлопоты. Пока все складывается удачно. Она поговорила с Юрием Петровичем Гордеевым, он разобрался в проблеме, решил, что адвокату в дело пока еще вступать рано, и предложил воспользоваться услугами частного детектива. Посоветовал очень толкового молодого человека.

– Как его фамилия?

– Кажется, Грязнов. Да-да, Денис Грязнов.

– Юрий Петрович действительно указал вам на очень толкового специалиста. Я о нем слышал. Денис неоднократно успешно распутывал весьма непростые ситуации, где многие другие специалисты его профиля оказывались бессильны. И что теперь?

– Не знаю еще. Вероника только сегодня к нему ездила. Сейчас расскажет.

Вероника появилась в столовой. Борис Савельевич, несмотря на солидный возраст, едва удержался от того, чтобы не присвистнуть от восхищения. Девушка была необыкновенно хороша. Вьющиеся темные волосы, глаза ярко-синего цвета, эффектная фигура, угадываемая даже под бесформенным балахоном.

– Вероничка, ну как ты съездила к этому детективу?

Кутилина с трудом сдержалась. Неужели она не понимает, что при посторонних столь деликатные проблемы не обсуждают?! И ей, Веронике, плевать, что старый адвокат является другом их семьи и уже лет пятнадцать – поклонником ее матери! Любой человек может выболтать все журналистам. Конечно, лишние упоминания в прессе еще ни одному публичному человеку не помешали, но все же гораздо удобнее, когда это именно такие упоминания, которые тебя полностью устраивают. И, взяв себя в руки, она промурлыкала:

– Мамуль, трудно пока сказать. Я ему объяснила ситуацию. Раз все говорят, что он толковый специалист, значит, сможет разобраться.

– Уверен, деточка, что все прояснится. Юрий Петрович плохого не посоветует, – веско высказался Борис Савельевич.

– Да-да, конечно. Понимаете, у популярности есть свои издержки. Когда тебя начинают узнавать на улице, приходится особенно тщательно заботиться о собственной безопасности. Мамуль, чем ты меня накормишь? – перевела Вероника разговор в кулинарное русло.

Екатерина Алексеевна уже накрыла на стол. В майоликовой тарелке благоухал суп с луком-пореем и креветками, а на плите, Вероника в этом не сомневалась, было много еще чего заманчивого.

– какая ты у меня молодчина. Прямо как у Элизабет Арден на ее фермах красоты. И калории все рассчитаны.

Позже, когда Борис Савельевич ушел, Вероника поделилась с мамой:

– Мам, не знаю я, что сказать об этом Грязнове. Похоже, что он не очень понимает, насколько жесток мир балета. Он же обычный, средненький человек. Ну детектив неплохой... так говорят. Но у нас же случай совсем не стандартный! Откуда ему знать, какие интриги плетутся вокруг популярных исполнителей, тем более в балете? Я ему еще даже не сказала о своих главных подозрениях по поводу Макарова. А то он меня на первый раз совсем счел бы сумасшедшей.

– Лапочка, не волнуйся. У них же там целое детективное агентство. Они тщательно все изучат и разберутся. Бизнесмены сразу нанимают профессионалов, как только заподозрят что-нибудь неладное. Это же происходит на интуитивном уровне. Вдруг тебе как-то не по себе становится, когда ты идешь по улице. А потом оказывается, что там киллер тебя выслеживал.

– Хватит, мама! – Балерина с раздражением отодвинула тарелку. – Что ты вдруг про киллеров?! Ко мне это не имеет никакого отношения!

– Зайчик, сейчас такое время, все успешные люди подвергаются опасности. А в нашей стране, где завистник на завистнике сидит и завистником погоняет, – особенно! Мало ли что взбрело в голову какому-нибудь сумасшедшему? Ведь только единицы понимают, что ты своего успеха добилась адским трудом. Небось любая дурочка из провинции считает, что она тоже так могла бы.

– А еще эти балетные критики, которые батмана от арабеска не отличают. Вроде бы мой пресс-агент неплохо с журналистами работает, а все равно время от времени проскальзывает в газетах – «Кутилина недовертела фуэте», «У Кутилиной сухая стопа», «Кутилина плохо чувствует партнера». Какое это имеет значение, когда народ в «Россию» ломится?! Кто еще из балетных такой зал может собрать на свой сольник?!

– Вероничка, ты бы отдохнула, – предложила мать.

– Да, мамуль, я пойду к себе. Полежу, видик посмотрю.

Вероника зашла в свою спальню, растянулась на огромной тахте и серьезно задумалась.

Ситуация с Макаровым ее серьезно тревожила. Во-первых, она привыкла побеждать, а не проигрывать. Во-вторых, именно на Макарова она сделала ставку, отклонив другие выгодные предложения. Ее подкупило, что он не только обладает достаточным состоянием, чтобы обеспечить ей достойный уровень жизни. Забавно, однажды она попросила своего пресс-агента запустить утку в желтую прессу, что на женщину уровня Вероники Кутилиной нужно тратить не менее двухсот тысяч долларов в месяц. С того момента ее стали окружать мужчины, готовые платить такие деньги, и более того. Никто даже не ставил под сомнение размер материальной компенсации. Каким-нибудь фотомоделям такие суммы и не снились.

Вероника достаточно рано поняла, что умеет управлять людьми. Добиться своего можно всегда, даже если придется воспользоваться не совсем стандартными путями.

Что бы с ней было, если б она проводила дни и ночи напролет у балетного станка? Ну конечно, техника бы улучшилась, но она и так вполне достойная, чтобы держать внимание зала. Обывателю плевать на чистоту позиций, он хочет видеть красоту. Красоту, вашу мать! А она,

Вероника Кутилина, и была живым воплощением современного идеала женской внешности. Высокая, пропорционально сложенная, с длинными ногами, достаточно полной для балерины грудью. Ведь изначально балет был искусством именно эротическим. А все об этом как-то подзабыли! раньше в театр приходили посмотреть на женщину в короткой юбочке и трико, что во времена кринолинов было более чем смело. Все эти фуэте, антраша и стояние на пуантах нужны были лишь для приличия. И между прочим, самым главным для примы во все времена было умение выбрать могущественного покровителя! а не в позиции правильно стоять.

Вероника включила кондиционер и вдохнула полной грудью.

Жаль, что в наше время несколько усложнился выбор балетных меценатов. Раньше все было проще – есть царь или король, а также его приближенные. И эти приближенные часто были балетными примами. Иерархия как и среди девочек у балетного станка, все рассчитано до миллиметра. Сейчас, к сожалению, президенты не берут себя любовниц из Большого театра.

5

Денис отрядил в дозор за потенциальным отравителем Макаровым одного из двух оставшихся в его распоряжении оперативников – Севу Голованова. Филя Агеев не мог вести слежку, потому что был занят: по-прежнему чинил этот треклятый «фольксваген», а сам Денис не мог по той же причине – Филя чинил его машину, а значит, ездить пока что было не на чем. Он, правда, пытался робко намекнуть Филе, что еще вчера машина работала, ведь он же сам, в конце концов, на ней приехал в «Глорию». Филя веско возразил:

– Если тачка ездит, это еще не значит, что она работает.

У Дениса имелись следующие сведения, которыми он снабдил Голованова.

Дмитрию Семеновичу Макарову сорок девять лет, он очень состоятельный человек, но чем конкретно занят – понять невозможно, поскольку сфера его интересов очень широка. В начале девяностых он был банкиром, а теперь вроде бы отошел от активного бизнеса, учредил благотворительный фонд «Finikiets» и вообще стал меценатом. Вкладывает деньги в театр, кино, посылает русских художников в Италию и Скандинавию и так далее. Коллекционирует живопись и всякие старинные побрякушки, что называется звучным словом «антиквариат». Словом, ведет себя Дмитрий Семенович как и положено богатому русскому человеку, который богат не по рождению, поскольку рождение это состоялось еще в 1954 году, то есть при советской власти, а в результате собственных усилий. И как многие другие, его недавно сколоченный капитал отдает запашком.

Макаров женат, у него двое взрослых сыновей (23 и 27 лет, старший Артем – военный летчик, младший Сергей – маркетолог в консалтинговой фирме, специализирующийся на выборах губернаторов). С женой, Ираидой Леонидовной, Макаров не живет и, вероятно, поэтому поддерживает хорошие отношения. Она известный хирург-офтальмолог. А вот в личной жизни Макарова большой пробел. Ни до балерины Кутилиной, ни после нее (хотя не так уж много времени прошло) никаких следов увлечения слабым полом. А ведь это как-то противостоит...

Наверно, сделал вывод Денис, женщины у него были, не могло же не быть, чай, не монах. Просто Макаров свою личную жизнь, вероятней всего, держал в секрете от падких на такую информацию СМИ. С Кутилиной, разумеется, это не прошло, ей любое упоминание в прессе – очко в копилку, вот он и мелькал последнее время на голубом экране и в таблоидах. Между прочим, стоило взять на заметку и такой тезис: не эта ли публичность отношений и достала в первую очередь Дмитрия Семеновича, явившись причиной разрыва? Но травить-то ее зачем, прости господи? Неужели он, такой многоопытный бизнесмен, не может найти безопасный способ, чтобы избавиться от своих финансовых обязательств перед ней или ее импресарио?!

...Сева Голованов заглушил двигатель еще за три особняка до коттеджа Макарова. Оставив машину в тени выгоревшей под солнцем акации, он, внимательно осматриваясь, пошел вдоль каменного, с витиеватыми башнями, забора. В маленьких бойницах этих башен на Голованова красными лучами вечернего солнца посверкивали объективы видеокамер слежения. Он тут же, согнувшись над кроссовкой, прижался вплотную к забору и дальше двинулся по нескошенной, жухлой траве, ощущая за каменной стеной преследовавшее его дыхание большой собаки.

Коттедж Макарова, тоже окруженный высоким кирпичным забором, имел лишь одну камеру над железными воротами. Но так же поблескивало красным отблеском и единственное полукруглое окно на башне этого, больше похожего на вычурный замок, трехэтажного особняка.

Голованов, сорвав у дороги лопух, небрежно обмахиваясь им, беспечно пошел в противоположную сторону. Он пересек городскую трассу и заметил напротив коттеджного поселка

несколько старых частных домов вдоль дороги. Одна из покосившихся, полуразваленных избушек с упавшим уже кое-где забором привлекла его внимание высокими садовыми деревьями на участке. Испугав грызунов в высокой траве, Голованов наконец выбрал высокую старую яблоню и в несколько секунд забрался на нее. Вооружившись биноклем, он начал обзор. Территорию коттеджа Макарова из-за высокого забора все равно видно было плохо. Но тем не менее Голованов заметил край бассейна и хаотичнодвигающихся по его кромке полуголых людей, преимущественно мужчин, а также изнывающего от безделья охранника возле железных ворот. Наводя резкость на лица мелькавших людей, Голованов заметил их раздражение...

Вскоре ворота автоматически распахнулись, и во двор въехал черный джип «гелентваген». Значки «мерседеса» у него были и спереди, и сзади.

– Ага, – пробормотал Сева, – хозяин явился...

Из машины вышли трое мужчин и скрылись за фасадом дома. Голованов убрал бинокль и бесшумно спрыгнул на землю. Но неудачно – одной ногой он угодил в муравейник. Попрыгав и отряхнувшись, он поспешил назад, в коттеджный поселок. И уже несколько минут спустя, сидя в своей «шестерке», слава богу не нагревшейся на солнцепеке, а скрываемой тенью акации, заметил, как сначала со стороны особняка Макарова появился, гремя на всю округу ухающей музыкой, серебристый «БМВ» и следом – красный «пежо» с открытым верхом.

– Угу. Детки разбежались, – сказал сам себе Сева.

...Солнце почти скрылось за тарелкой спутниковой антенны на крыше особняка, и возле открытого окна над ухом Севы запищали комары. Он, лениво отмахиваясь, уже зевал, поглядывая на часы, как вдруг мимо него неслышно прокатил «гелентваген» и, съехав за пределами видимости на городскую трассу, взревел двигателем, судя по звуку, быстро удаляясь. Голованов завел машину и поехал следом. Но сделать это было не так-то просто. В надвигающихся сумерках «гелентваген», включив только габаритные огни, то летел по шоссе стрелой, распуская редкие машины, то вдруг резко перестраивался и тащился по правой стороне за каким-нибудь грузовиком.

– Ну и орлы у него! – восхищенно выдохнул Голованов, в очередной раз притормаживая и прячась за рейсовым автобусом.

Через полчаса они добрались до города и поехали по полупустым московским улицам. А еще через двадцать минут были в центре. «Гелентваген» свернул с Нового Арбата и припарковался под сияющими огнями казино «Корона», над входом которого висела самая настоящая корона в диаметре, наверно, метра два. Но тут оказалось, что его клиентов игорное заведение вовсе не интересовало, четверо мужчин вдруг двинулись в противоположную от неоновых огней сторону и вскоре скрылись в темной арке с небольшой лестницей. Голованов чертыхнулся про себя и побежал следом. Арка вела на старый Арбат. Оказавшись среди праздношатающихся людей, Голованов рванул сначала в одну сторону, затем, обгоня подвыпившую студенческую компанию, быстро зашагал в другую и, наконец, узнал удаляющуюся четверку по лысой голове одного из высоких телохранителей Макарова. Возле театра Вахтангова давали представление самодеятельные артисты, и, пользуясь возникшей толчеей, Голованов догнал Макарова с охранниками и пошел уже в нескольких шагах позади лысого.

– ... и цветы закажи! – услышал он распоряжение Макарова. – Позвонишь потом.

Голованов пригнул голову, весь обратившись в слух, но тут неподалеку, скверно подражая Высоцкому, запел уличный бард, и то, что говорил Макаров, стало не слышно.

Они прошли полторы сотни метров в направлении Смоленской площади. Вдруг лысый охранник резко развернулся. Голованов тут же схватил за рукав первого же шедшего навстречу мужчину и, вынув из-за уха специально припасенную сигарету, попросил огоньку. Охрана застыла напротив освещенного шумного подъезда, куда степенно вошел Макаров.

Голованов, затянувшись сигаретой, благодарно кивнул прохожему и, покосившись на вывеску, прошел мимо. Там было написано: «Театрально-концертный центр». Голованов свер-

нул за угол. Обойдя здание, нашел служебный вход, но он был заперт. Тогда он вернулся к центральному подъезду и открыл тяжелую стеклянную дверь, за которой на контроле стояли улыбающаяся древняя старушка и розовощекий молодой детина.

– Добрый вечер! – шикарно улыбнулся Голованов. – Вот, я не успел купить билет. А где тут касса, собственно?

Бабуля отчего-то нахмурилась.

– У нас нет кассы, молодой человек. И билеты все проданы!

– Да? – Голованов искренне расстроился. – А я всю неделю мечтал попасть на этот спектакль! Может, как-нибудь, а? – И Голованов засунул руку в карман джинсов.

– Это концерт! – поджала губы старушка.

– Вообще-то там есть два места, – вмешался детина, недвусмысленно заглядывая Севе в глаза. – В партере. По полторы тысячи. Ну так как?

Голованов моргнул, потер потный лоб и поспешил выйти на улицу. Затем быстро обошел здание и забарабанил в закрытую дверь служебного входа. Ее через несколько минут открыл охранник с кружкой в руке.

– Слышь, друг! – Голованов тут же сунул ему в ладонь десять баксов. – Я жить не могу без этого концерта! Ты бы меня пустил на этот... на балкон, а?

Охранник, засунув дубинку под мышку и скомкав в кулаке купюру, прижался к стене, пропуская Севу внутрь.

– По коридору и налево, вверх по лестнице, – скомандовал он. – Быстрее, там уже поют!

Натыкаясь в полумраке на колонны, Голованов наконец попал на балкон. В здании было приятно прохладно. Свободных мест на балконе не оказалось, Голованов шарил глазами по залу. Где же он, где? В какой-нибудь крутой ложе? Нет, ни слева, ни справа... Ага!

Макаров сидел в VIP-партере. Слева ерзал лысый охранник, а справа, чуть склонив к нему изящную шею, сидела какая-то женщина. Кажется, молодая. Голованов внимательно следил за их движениями, стараясь понять, разговаривают они или нет. Тут какая-то девушка заметила у Севы крупный полевой бинокль и прыснула в кулачок. Пришлось технику спрятать. Оркестр виртуозно играл знакомую классическую партию, и Голованов с удивлением сообразил, что толстую тетку, исполнявшую высоким голосом (контральто? сопрано?) арию на итальянском языке, он не раз видел по телевизору. И почему это оперных певиц так раздувает?

В антракте Голованов первым спустился в фойе и занял позицию на красном мягком диване возле входа в зал шикарного ресторана. Затем вынул мобильный телефон и, приложив его к уху, многозначительно наморщил лоб и даже шевелил губами, имитируя разговор. Вскоре не спеша в фойе потянулась публика, и Голованов с разочарованием увидел Макарова, беседовавшего с каким-то седовласым старцем. Охрана в полном составе почтительно плелась сзади. Голованов впервые рассмотрел клиента вблизи и с удивлением заметил, что тот изменился по сравнению с фотографией, которой снабдил его Денис. Когда-то обрюзгшее лицо выглядело теперь моложавым и подтянутым. Никаких очков, вероятно – контактные линзы (а может, и операция по коррекции зрения). Взгляд чуть рассеянный, но зато загорелое лицо излучает уверенность и здоровье.

– Эти ваши котировки меня вовсе не интересуют, – произнес Макаров, проходя мимо застывшего на диване Севы в зал ресторана. – Другое дело Фаберже, выставленный сейчас на «Сотбис». Исходя из стартовой цены, можно сделать вывод...

Макаров механически скользнул взглядом по Голованову и прошел мимо.

А Сева уже следил за девушкой с нежной шеей, что появилась следом. Она, однако, не пошла в ресторан, а осталась в фойе и, казалось, никого не искала и не ждала. Похоже, вовсе никакого отношения к Макарову она не имела. Ну что ж, отрицательный результат – тоже результат, а уж в сыском деле его значимость может оказаться особенно велика. Голованов вздохнул, пощелкал кнопками мобильного телефона, вынул пачку сигарет и пошел в туалет.

Затем заглянул-таки в ресторан, посмотрел меню, скосившись на столик, где Макаров продолжал беседовать с седовласым мужчиной, и вернулся на балкон. Когда он перед самым началом второго отделения, улучив момент, достал бинокль, то увидел, как девушка с высокой прической оживленно беседует с пожилой женщиной, сидевшей впереди нее...

После концерта Голованов как бы рассеянно брел по фойе на некотором отдалении за Макаровым и только на выходе сообразил, что телохранителей с ним двое, а не трое. Уже на улице, слегка занервничав, он огляделся и сразу заметил, как по пересекавшему Арбат переулку к Макарову стремительно двинулся «гелентваген». Клиент с охраной сели в машину и уехали.

Голованов со злостью плюнул себе под ноги и рванул бегом к лестнице на Новый Арбат. И там, не обращая внимания на раздраженно сигналящую машину, пробежал перед ее носом к своей «шестерке».

Через несколько минут он свернул на Садовое кольцо в сторону Парка культуры, куда и вел переулок, пересекающий старый Арбат. Машин, слава богу, было мало, Голованов внимательно смотрел по сторонам. И вот перед Крымским мостом возле обочины показался «гелентваген». Голованов включил нейтралку и затаил дыхание, глядя, как лысый охранник стоит возле стеклянной двери цветочного магазина. И Сева, проезжая мимо, увидел, как Макаров, улыбаясь, выходит из магазина, неся в руках горшок с каким-то немислимым цветущим кактусом.

Голованов добродушно усмехнулся и сбавил газ, давая возможность подопечным обогнать себя. Затем спокойно поехал за ними в сторону Профсоюзной улицы. Возле одной из высоченных башен они свернули, остановились, и Макаров в сопровождении охраны с этим своим дурацким кактусом вошел в подъезд. А «гелентваген» развернулся и въехал с другой стороны дома в подземный гараж.

Голованов посмотрел на часы и подумал: не рановато ли?

Затем еще немного посидел в машине и, зевая, развернулся и поехал домой.

6

Телефон буквально атаковал старшего инспектора Скотленд-Ярда Арчибальда Венейблса. И началось это безобразие, едва он переступил утром порог своего кабинета. Причина у всех звонивших была одна и та же: смерть в автомобильной аварии французского миллионера Антуана Бриоли. Охотников узнать подробности этого ночного происшествия нашлось предостаточно.

Первым позвонил министр внутренних дел и потребовал тщательно разобраться с этим делом: не мог же уважаемый и солидный человек ни с того ни с сего съехать с дороги и врезаться в фонарный столб. Если его вынудил к такому маневру какой-то лихач, то того следует немедленно разыскать и максимально строго наказать. Министр упомянул также, что ему уже звонил коллега из МИДа и просил о том же.

Потом были звонки от других, не столь высокопоставленных особ и конечно же падких на новости журналистов. И все без исключения задавали один вопрос: как же так? Венейблс отвечал стандартно: «Идет расследование, причины выясняются».

Когда позвонили из французского посольства, инспектор уже знал, что мистер Бриоли потерял управление по причине полной отключки. Ответил послу все той же стандартной заготовкой, заверив на прощание, что лично займется расследованием. О том, что мультимиллионер, прежде чем впечататься в столб, потерял сознание, Венейблс промолчал.

Последние полчаса телефон молчал, и инспектор уже начал поглядывать на него с подозрением. Исчерпался запас друзей и деловых партнеров Антуана Бриоли? Не успел он об этом подумать, как аппарат взорвался назойливой трелью. Венейблс, к собственному удивлению, не скрипнул зубами, без раздражения снял трубку и устало произнес:

– Скотленд-Ярд, старший инспектор Венейблс, слушаю вас.

– Послушай, послушай, Арчи, – раздался на другом конце провода знакомый голос. – Я тебе сейчас такое скажу!

Венейблс с запозданием обнаружил, что звонит внутренний телефон, а городской мирно отдыхает после утренней разминки.

– Прости, Фрэнк, с утра издергали всего, – сказал он старому другу Фрэнку Берроузу, работавшему с ним в одном управлении – в отделе криминалистической экспертизы. – Что там у тебя?

Берроуз выдержал интригующую паузу, но и после нее не дал прямого ответа:

– Ты стоишь? Советую присесть.

– Не тяни, Фрэнк, и так нервы на пределе! – взмолился Венейблс, проклиная привычку приятеля окутывать ореолом таинственности и значимости результаты своей работы.

– Знаешь, дорогой Арчи, что мы обнаружили в крови мистера Бриоли? – начал криминалист, прокашлялся и торжественно закончил: – Циклотоксин.

– Чего-чего? – переспросил инспектор.

– Циклотоксин, говорю.

– Что это еще такое?!

– Есть такое чудодейственное средство, помогающее отправить человека на кладбище. Содержится в болиголове водяном, омеге водяной. Нейротоксическое холинолитическое, судорожное действие. Яд, короче.

– Ты уверен, что это именно он?

– Не сомневайся, – ободрил Берроуз. – Зайди, ознакомишься с отчетом.

Криминалист отключился, а Венейблс еще долго сидел с трубкой в руке и устремленным в никуда взглядом. Наличие в крови Бриоли алкоголя эксперты установили сразу же. Но норма его была допустимой, во всяком случае, при такой не спутаешь проезжую часть с пешеходной.

А вот присутствие яда, да еще, по уверению Фрэнка Берроуза, очень сильного, было действительно сногшибающей новостью.

«Что же получается? Миллионера отравили?! – рассуждал инспектор Венейблс. – Кому это, черт возьми, нужно? Он не политик, не криминальный авторитет, он просто чертовски богатый человек...»

Венейблс снял трубку и позвонил криминалисту:

– Фрэнк, расскажи, как он действует.

– Хорошо действует, – как всегда бодрым голосом сообщил Берроуз. – Быстро всасывается из желудочно-кишечного тракта. Начальные симптомы отравления появляются через полтора-два часа, иногда через двадцать – тридцать минут.

– И что дальше?

– Саливация, тошнота, рвота, боль в животе, расширение зрачков, – речитативом пропел Берроуз, – тахикардия, судороги, угнетение дыхания, потеря сознания, коллапс.

– Кошмар... Значит, его могли отравить прямо на этой долбаной светской тусовке?

– Запросто.

– Расчет мог строиться так, что яд подействует, когда Бриоли уже будет в машине? – спросил инспектор. Криминалист ведь не мог знать первичных показаний вдовы миллионера, из которых следовало, что изначальные намерения ее покойного супруга были все же посетить показ, то есть ехать домой он не собирался.

– Кто его знает, – протянул криминалист. – Все зависит от дозы. Ну и от состояния здоровья жертвы, разумеется. Я же сказал, что начальные симптомы могут появиться через полчаса после приема зелья, а могут и через полтора-два.

Венейблс представил, какотреагируют министр и французский посол, когда узнают о действительных причинах смерти Бриоли. Ему стало неуютно, а кабинет, его просторный, чистый кабинет, начал сжиматься до размеров камеры-одиночки, и кресло – превращаться в раскаленную плиту. Венейблс попытался встать, но на плечи как будто свалился двухсоткилограммовый груз. Пальцы, все еще сжимавшие трубку телефона, побелели и, казалось, вот-вот раздавят ее.

Как спасение, попала на глаза курительная трубка, добрая старая трубка, с которой он распутал не одно дело. А ведь были дела и похлеще этого! Венейблс усилием воли опустил трубку на аппарат и потянулся за своей, курительной. Затем набил ее ароматизированным голландским табаком, раскурил. Эти действия отняли у него последние силы, учащенно, как в предчувствии беды, стучало сердце. Но как только он сделал первые две затяжки и по кабинету поплыли седые пахучие кольца, силы и холодный рассудок вернулись на прежнее место.

«Я что, впал в панику? Да по какому, черт возьми, поводу? – продолжал рассуждать инспектор. – Прошерстить всех, кто был на том чертовом вечере, опросить прислугу, прижать поваров. Я им устрою сладкую богемную жизнь! Напляшутся! А министру позвоню и сообщу о повторных результатах экспертизы сам. Это будет лучше, чем если он узнает о них из других источников».

И Венейблс так и сделал, а после долгого разговора с министром лишь убедился, что поступил правильно. Его похвалили за оперативность и предоставленную информацию. Министр попросил держать его в курсе дела и очень тепло попрощался.

Тугая струя дыма, выпущенная инспектором в потолок, свидетельствовала, что своим докладом и самой беседой он остался доволен.

– Оперативность?! – ухмыльнувшись, сказал он сам себе. – Да я еще и палец о палец не ударил. Будет вам оперативность! А начну я с... Начну, пожалуй, с безутешной вдовы.

7

Утром следующего дня Голованов вернулся на Профсоюзную улицу к семи часам, предполагая, что господин Макаров раньше одиннадцати в субботу не поднимется, но, к его удивлению, черный джип через полчаса бесшумно развернулся перед самым Севиным носом и медленно покотил в сторону центра. Еще больше Голованов удивился, когда они подъехали к Кремлю и «гелентваген», припарковавшись возле Манежа, высадил своих пассажиров. Макаров с лысым охранником вдвоем направились к Боровицкой башне. Там, показав пропуск, они беспрепятственно прошли на территорию Кремля через Троицкие ворота. Голованов, оставив машину возле касс, подошел к курсантам.

– А во сколько пускать начинают? Можно пройти-то, а?

– С десяти экскурсии, – был дан по-военному четкий ответ. – Кассы с полдесятого. – И кивок в сторону соответствующего киоска.

Тут Голованов посторонился, чтобы пропустить женщину, которая тоже показала курсантам пропуск. Затем уже на мосту она надела на голову платок и скрылась за воротами. В церковь идет, понятно. Голованов почесал затылок и посмотрел на часы. Придется подождать.

...В две минуты одиннадцатого он уже отправился в сторону Успенского собора. Войдя с яркого солнечного света в полутьму церкви, Голованов сначала различил только огоньки горящих свечей. А когда глаза понемногу привыкли и он стал разглядывать прихожан, то вдруг увидел, как Макаров со скрещенными на груди руками стремительно идет от алтаря прямо к нему. Голованов замер, не сводя глаз с образа Христа перед собой, и наконец просто зажмурился. А когда открыл глаза и оглянулся, то увидел, как сзади него за столом Макаров, поедая просвиру, что-то шептал своему телохранителю. Вытирая ладонью лоб, Голованов пробрался к выходу и через несколько минут вернулся к машине.

Час спустя Макаров с охранником вернулись к Манежу, и «гелентваген» двинулся в сторону Тверской. Голованов держался от них через две машины. Перед памятником Пушкину они свернули, объехали кинотеатр и вскоре остановились возле белого здания Ленкома. Макаров с охранниками спустились на цокольный этаж и вошли в театральный актерский ресторан «Трам». А Голованов, едва припарковавшись возле следующего дома и вернувшись пешком ко входу в ресторан, столкнулся нос к носу с одним известным актером, наступил ему на ногу, от смущения не извинился и поспешил поскорее скрыться за дверью.

В первом зале Макарова не было. Заказав черный кофе, Голованов битый час цедил его за стойкой бара, глядя только в чашку, и скорее почувствовал спиной, чем увидел, как сзади наконец появился Макаров.

...«гелентваген», ныряя в подворотни, затормозил недалеко от Трубной площади, и лысый охранник, выскочив бегом из машины, тут же вернулся с корзиной цветов. Голованов, прятаясь в своей «шестерке» в начале улицы за строительными лесами, издали увидел корзину и облегченно вздохнул.

Вскоре они были на Чистых прудах. Голованов остановился возле Главпочтамта и вышел из машины. Прикурив сигарету, рассеянно глядя на афиши, он медленно шел к черному джипу, наблюдая, как охрана, вынув из салона корзину с цветами, сопровождала Макарова и, профессионально-хмуро оглядываясь, исчезала за массивными дубовыми дверями желтого круглого здания с колоннами. Голованов прочитал табличку: «Институт ваяния и живописи». Толкнув дверь, он вошел внутрь сумрачного вестибюля. Сделал шаг и застыл на месте, обнаружив, что стоит на вершине полукруглых гранитных ступеней, а внизу на черном мраморном полу и в нишах стен в беспорядке – белые статуи всевозможных греческих богинь, микеланджеловских давидов и неизвестных римских бюстов. Оглядевшись с некоторым изумлением, Голованов заметил еще двоих рабочих, лепивших замысловатый узор под потолком, и вдруг

увидел поднявшегося со стула в раздевалке старого знакомого – лысого охранника. Тот легко перепрыгнул стойку и, оскалившись в усмешке, двинулся к Севе.

Тут же хлопнув тяжелой дверью, Голованов пулей вылетел из здания и бросился к своей машине. Вступать в контакт с клиентом и его людьми было строжайше запрещено. А лысый, который этого не знал, пригнув голову, быстро бежал наискосок, пересекая Севе дорогу. Дав задний ход, Голованов пролетел переулок, весело сигналив случайным прохожим, и, разворачиваясь на скорости, перевернул мусорную урну. Затем рванул дворами в сторону центра, удовлетворенно заметив в зеркале заднего вида, как зло сплюнул лысый охранник.

8

Безутешная вдова захлопнула перед Венейблсом дверь. Инспектор стоял, обалдевший от такого великосветского приема, но ничего поделать не мог. Ощущение было такое, словно на него вылили ведро с помоями: стой и обтекай себе на здоровье или во вред. Хотя, конечно, вдову Бриоли можно было понять: еще не похоронила мужа, только-только из морга, где проводилось опознание, а тут на тебе – полицейский из Скотленд-Ярда с расспросами. Венейблс кое-как успокоил себя, что вдову можно опросить и позже, никуда она не денется, и поехал домой.

Его холостяцкая квартира окнами выходила в тихий дворик с маленьким парком в конце его. Венейблс любил вечерами сидеть у окна, курить трубку и анализировать прожитый день. Так, по его мнению, поступали все нормальные люди, так поступали и великие сыщики прошлого, не менее криминального, чем нынешние времена.

Этот вечер не был особенным. Как и сотни предыдущих, повторялся буквально во всем. Ужин проходил под музыку лондонского симфонического оркестра (у инспектора имелись почти все его диски) и состоял из сваренной на воде овсянки, приличного ломтя ветчины и булочки с вишневым джемом. Кофе на ночь Венейблс не пил, исключительно чай. И никогда не добавлял в него молоко или сливки, считая, что вкус у чая должен быть натуральный, чайный, а не со всякими там извращениями. Когда подходило время для вечернего созерцания двора и размышлений, необходимая для этого курительная трубка обычно куда-то девалась. На поиски ее тратилось какое-то время, но в конце концов она отыскивалась – и Арчибальд Венейблс во всеоружии приступал к аналитическим упражнениям.

Сегодня история повторилась. После неторопливого ужина (Венейблс, следуя древнему правилу, пережевывал пищу не менее сорока раз и только после этого отправлял в желудок) он расположился в кресле у окна, достал новую пачку голландского табака, но, вскрыв ее, обнаружил, что набивать им нечего – трубки под рукой нет. Пришлось вставать и отправляться на поиски. Первым делом инспектор прошел на кухню, но там трубки не оказалось. В прихожей ее тоже не было. Переместившись в спальню и тщательно ее обследовав, Венейблс наконец вспомнил, что в спальню он еще не заходил. Остановившись посредине, огляделся, выбирая наиболее возможное местонахождение своего верного товарища, вырезанного из вишневого дерева. Он вообще любил все вишневое: сами ягоды, джемы из них, цвет. В этот раз, как, впрочем, и в большинстве других, интуиция его подвела, и Венейблсу пришлось подчиниться суровой действительности – начать методические поиски.

Минут через двадцать он был неприятно поражен полной их безрезультатностью.

– Да где же ты, черт тебя возьми?! – выругался он и прислушался, как будто мог получить ответ.

Стоявшую в квартире гробовую тишину нарушали лишь размеренно падающие в ванной комнате капли: должно быть, он неплотно закрутил кран. Венейблс потащился исправлять свою нерадивость, машинально клацнул выключателем и, войдя в ванную, так и застыл у открытой двери... Трубка лежала на бачке унитаза, резко выделяясь на матово-белой поверхности. На крышке унитаза – томик Жоржа Сименона, рядом на кафельном полу – блюдо с горкой выбитого табачного пепла. Все на своих местах, и как он мог забыть!

Картина эта, достойная, по мнению инспектора, кисти хорошего живописца, родила воспоминание, что у Сименона был целый роман, построенный на пропаже трубки у Мегрэ. Венейблс усмотрел в том, что произошло, некий знак свыше, взял трубку и вернулся к окну.

Но на этом череда неприятных мелочей не закончилась. Трубка упорно не хотела раскуриваться. Венейблс представил себя со стороны и задохнулся от зудящего нетерпения. Наконец после третьей или четвертой спички трубка запыхтела, и инспектор с облегчением отки-

нулся на спинку кресла. Теперь самое время как следует подумать о мистере Бриоли и его ближайшем окружении. Венейблс уже решил для себя, что совершить убийство – а в том, что это убийство, он не сомневался – мог только близкий покойному человек. Но в голову упорно лезли мысли о после франции. Обещая послу установить истину, он не кривил душой. Будучи ярким франкофилом, в чем не последнюю роль сыграли Жорж Сименон и его комиссар Мегрэ, Венейблс еще в участке пообещал самому себе, что перероем весь Лондон, а потребуется – так и дальше, но отыщет отравителя Антуана Бриоли. Пообещать было легко, а вот сделать...

В ушах отчетливо звучал голос посла. Нет, обмануть его Венейблс не мог, да и себе не простил бы такой оплошности. Помочь Франции! Да, такой случай выпадает раз в жизни! Тем более что дело явно нешуточное, коль такие высокопоставленные особы лично справляются о продвижении следствия.

Инспектор не заметил, как сумерки переросли в ночь, а та уплотнилась до густой черноты. За окном пролетела ночная птица, возможно, летучая мышь. Странные все-таки животные. Когда-то, переезжая в Лондон, Венейблс думал, что хоть в большом городе их не будет. Но куда там, эти твари, похоже, жили повсюду, а он их с детства терпеть не мог.

С мадам Бриоли надо срочно встретиться, неторопливо размышлял инспектор. Но пока она не в настроении, проработать рабочие связи покойного мистера Бриоли. Что еще?

Трубка погасла. Венейблс чиркнул спичкой, та сломалась. Чиркнул еще раз, уже не так агрессивно. Получилось. Раскурил трубку вновь. Одновременно он выстраивал план своих действий на ближайшие два дня. А там будет видно, возможно, придется действовать по обстоятельствам...

Инспектор Скотленд-Ярда Арчибальд Венейблс и не подозревал, насколько далеко могут завести эти обстоятельства. Но в этот вечер он страстно желал отличиться перед Францией, к этому его подталкивала незримо присутствовавшая в его квартире тень сименоновского Мегрэ.

9

Рано утром, к шести часам, Сева Голованов приехал на Профсоюзную улицу и, тормознув у обочины, развернул свою «шестерку» лобовым стеклом в сторону центра. Дом, где жил Макаров, находился справа, и Голованову было даже видно окно кухни его квартиры на шестом этаже и опущенные жалюзи. Но сам хозяин в это будничное утро вовсе не спешил выходить из дома, и Сева от скуки лениво щелкал кнопками автомагнитолы в поисках приятной музыки. Недалеко от него периодически заклинивало светофор, и на пешеходной линии так же периодически образовывалось столпотворение. Сева задумчиво смотрел на окна башни, когда слева, с дороги, раздался визг тормозов и возмущенные сигналы автомобилей. По пешеходной линии, но на красный свет, совершенно не обращая внимания на поток транспорта, шел какой-то странный субъект и кому-то досадливо махал рукой. Пиджака на нем не было, узел галстука ослаблен и сдвинут набок, красные подтяжки держали синие, чуть коротковатые брюки. Мужчина целеустремленно шел через дорогу, бессмысленно глядя вперед, даже не замечая, что белая «Волга» еле успела затормозить перед самыми его ногами. Из машины тут же выскочила возмущенная тетка.

– Ты че, больной?! – кинулась она к мужчине. – Ослеп?!

– Что? – задумчиво повернулся к ней мужчина. – Простите, что вы сказали?

Он привычно пригладил взвившиеся возле ушей редкие волосы над блестящей лысиной.

– Идиот! – рывкнула женщина и прыгнула обратно в «Волгу», так как сзади уже всю сигнализацию остановившиеся за ней машины.

Только тут мужчина понял, что находится посреди улицы и вокруг в обе стороны движутся плотные потоки машин. На его лице отобразился ужас, и он, неуклюже лавируя между ними, вскоре оказался на обочине перед Головановым, как раз в тот момент, когда на него чуть не наехал выезжающий на трассу черный «гелентваген». Джип вклинился в поток и покатил в сторону центра. Сева уже не видел, куда делся мужик с красными подтяжками, так как сам, тут же пристроившись за строительным краном, поехал следом. «гелентваген» не делал никаких попыток оторваться, впереди были сплошные пробки, и Сева, чуть выступая из-за крана, за которым так и двигался, прекрасно видел объект. Так происходило и на Садовом кольце, но когда джип свернул на проспект Мира, то тут же стрелой полетел по левой стороне, моргая фарами движущимся впереди машинам, чтобы уступили дорогу. Голованов тоже выжал сколько мог педаль газа, радуясь тому, что они не на загородном шоссе, где у него не было бы ни малейшего шанса. Но все равно «гелентваген» сумел-таки оторваться, и Голованов, застряв на светофоре перед рижской эстакадой, с тревогой отметил, как черный джип исчез за Крестовским мостом. Как только сменился сигнал светофора, Голованов рванул следом, поглядывая на спидометр и надеясь, что никаких дорожных патрулей сейчас не встретит. «гелентваген» он нагнал, уже спустившись с эстакады перед самым тоннелем, где поток машин двигался достаточно медленно. Но затем, не доезжая до Ростокинского моста, джип, нарушая правила, свернул влево, на улицу Эйзенштейна, и, пересекая встречную полосу, пролетел перед самым носом отчаянно зазвеневшего трамвая. Голованов не успел проделать подобный трюк, так как поток встречного транспорта не оставил ему альтернативы и пришлось ехать через мост и разворачиваться еще дальше.

Когда наконец Голованов развернулся и приехал на эту же улицу, то джипа, конечно, и след простыл, и, куда он успел свернуть за это время, Голованов не обнаружил. Он еще проехал мимо гостиницы и, развернувшись возле метро, двинулся в обратном направлении. Зло щелкая зажигалкой, он прикурил сигарету и одновременно краем глаза увидел, как распахнулись ворота киностудии имени Горького и, пропуская его, Голованова, «шестерку», «гелентваген» медленно выкатил на дорогу и пристроился ему в хвост.

Ну и дела, кто за кем следит?!

Голованов внимательно смотрел в зеркало заднего вида и видел, что на заднем сиденье машины находились трое, в то время как на переднем плане, рядом с водителем, сидел знакомый лысый охранник. На проспекте Мира джип, отразив в тонированных стеклах Севину «шестерку», торжественно обогнал ее и поехал чуть впереди безо всяких выкрутасов. Еще через полчаса они свернули за гостиницей «Москва» и спустились в подземную автостоянку. Голованов постоянно держал в поле зрения черную машину и, хотя на стоянке охранник указал ему место далеко от припарковавшегося джипа, он сразу увидел, что из «гелентвагена» вместе с Макаровым вышла женщина. Она была в светлом брючном костюме. Выскользнув из машины, сразу взяла Макарова под руку.

Так-так-так! Удовлетворенно улыбаясь, Сева неторопливо двинулся за исчезающей в конце длинного коридора лысой головой охранника.

– А куда идет коридор? – спросил он у кассира на выходе.

– В торговый комплекс «Охотный ряд».

Голованов многозначительно кивнул и гуляюще-развязной походкой отправился навстречу наплывающему из коридора людскому многоголосью. Оказавшись в торговом центре, он следом за Макаровым поднялся на эскалаторе на один уровень вверх и не спеша с искренним интересом стал разглядывать сувенирные лавки. Впереди него охранники, двигаясь за Макаровым, своими широкими плечами скрывали от Голованова невысокую белокурую женщину, но тем не менее Сева успел отметить ее специфическую походку. С одной стороны, она семенила, с другой – делала это элегантно и непринужденно.

Вскоре парочка свернула в один из сияющих неоновыми огнями магазинов и там, через стеклянные витражи, Сева сумел наконец разглядеть лицо молодой женщины. Макаров улыбался ей, показывая рукой на манекен, и вскоре появившаяся девушка-продавец увела женщину в примерочную кабинку. Все это Голованов наблюдал, беспечно облокотившись на мраморный парапет, обрамляющий скульптурную композицию фонтана. Лысый охранник у входа в отдел внимательно рассматривал гуляющих вокруг людей, но Голованов, в синей бейсболке, с новыми рыжими усами и рыжей же трехдневной щетиной, был скорее похож на туриста-ирландца, чем на самого себя. А вокруг как раз галдели иностранцы и восторженно щелкали фотоаппаратами, снимая фонтан и мозаичный купол над ним. Голованов тоже достал свой «кэнон» и, глядя через объектив с сильно приближающим «зуммом», стал сначала разглядывать купол над фонтаном и магазинами, а затем и сам ярко залитый электрическим светом салон магазина, где находился Макаров.

В этот момент из примерочной кабинки вышла своей удивительной походкой светловолосая молодая женщина. Даже праздношатающиеся возле витрин покупатели остановились и обратили на нее внимание. Продавцы довольно улыбались, а Макаров, не скрывая своего восхищения, тут же привлек ее к себе за талию и, откинув распущенные светлые волосы, поцеловал в шею.

«Рыжий ирландец» Голованов тут же пару раз щелкнул кнопкой своей фотокамеры и, задумчиво почесывая затылок через синюю бейсболку, медленно пошел вдоль фонтана, поглядывая на мозаичный купол. Все, что нужно было сделать, он выполнил. А выяснить личность женщины с удивительной походкой уже дело техники.

10

Денис решил, что не станет он устанавливать личность новой пассии Макарова. В конце концов, есть достаточно недвусмысленные фотографии, и этого уже достаточно, чтобы подтвердить худшие подозрения его клиентки. А если она потребует более весомых доказательств, значит, так тому и быть – придется заняться более грязной работой. Хотя, с его точки зрения, то, что там происходило, свидетельствует о близости отношений между господином Макаровым и белокурой незнакомкой не менее, чем если бы они вместе принимали душ. Если же балерина захочет установить личность девушки, примерявшей платье в торговом комплексе «Охотный ряд», он, частный детектив Грязнов, сделает и это.

Но, увидев снимки, Вероника побледнела так, что Денис испугался, не случится ли с барышней обморок, хотя настолько слабой ее никак прежде не считал. Обморока не вышло – и то правда, чай, не девятнадцатый век.

Денис осторожно спросил:

– Вы... Ты ее знаешь? – После того посещения «Глории» Вероника, уже покидая агентство, сказала провожавшему ее Денису, что они вполне могли бы перейти на «ты». И вот перешли...

– В том-то все и дело, – прошептала балерина. – Это Ольга, подруга моя... так сказать...

Вот оно что! Денис счел нужным утешения оставить при себе: такого, конечно, врагу не пожелаешь, да и никакие слова сейчас не помогут. Он сказал только:

– Тоже балерина?

– Да.

Больше о Макарове в тот день не вспоминали.

Денис перебирал в памяти основные факты, которые ему удалось собрать о Веронике. Стремительная карьера балетной примы, построенная с нарушением всех правил театрального мира. К своим двадцати шести годам Вероника была уже вполне состоятельной женщиной и могла себе позволить вести по-настоящему звездный образ жизни.

Еще до того как Вероника пригласила его к себе в гости на чашку кофе, дабы там он и сообщил ей «пренеприятнейшее известие», сыщик успел осмотреть интерьеры ее квартиры в журнале «Мой прекрасный дом», но журнальные фотографии не передавали и малой части того впечатления, которое производило жилище примы на нового гостя.

Каждая из огромных комнат была оформлена в особом стиле. Гостиная была ярким образцом неоклассицизма, итальянская мебель создавала ощущение торжественности момента.

– Здесь я принимаю официальные делегации, – пошутила немного подсевшим голосом Вероника.

– И часто навещают?

– Бывает, – последовал неопределенный ответ.

Кухня и столовая, совмещенные в одно помещение, но разделенные аквариумом с огромными экзотическими рыбами, напоминающими разноцветных плавающих бабочек, были стилизованы в стиле кантри: получилось нечто среднее между интерьером сельского домика в Южной Италии и русскими дачными традициями.

– Пришлось пойти маме на уступки. Ей все хотелось каких-нибудь рюшечек и оборочек. В конце концов, она следит за моим питанием. И у нее здорово получается. Как на ферме красоты у Элизабет Арден.

– Что еще за ферма такая?

– Господи, какой ты серый. Элизабет Арден – основательница элитной косметической компании, ее салоны красоты для миллионеров известны во всем мире. Еще у нее есть что-то

вроде санатория для дамочек, которым надо отдохнуть, похудеть. Там с едой такая примочка – кормят клиенток почти как в концлагере, если считать количество калорий, но оформляют эти листики шпината с зернышками фруктов совершенно роскошно. Вот и возникает ощущение, что ты ешь много и хорошо.

– И зачем только женщины так себя истязают? – искренне вздохнул Денис.

– Природа ведь редко кому дает настоящую красоту. Приходится добиваться искусственными способами. Думаю, что натуральные красотки вообще остались только в России, ну еще, может быть, в Польше. На Западе медицина уже до такого космического уровня дошла, что может с человеческой внешностью делать все что угодно. Вот у меня был приятель – английский бизнесмен, а у него жена – известная топ-модель, в десятку лучших моделей Европы входит. Так на ней вообще живого места не осталось, наверное. Все реконструировали пластические хирурги.

– Не может быть.

– Что значит – не может быть? Ты небось думаешь, что Шварценеггер сам себе такие мышцы накачал? Да нет – приехал в Голливуд из своей Австрии, сразу обратился к медикам. Ему какие-то мышцы пересадили, какие-то стимулировали к росту. Вот и получился этакий терминатор. Конечно, потом ему пришлось регулярно форму поддерживать в тренажерном зале.

Вероника, увидев растерянность и недоумение Дениса, от души расхохоталась:

– Доверчивый ты наш! – и продолжила, видимо, наболевшую тему: – А для того чтобы стать моделью, кроме высокого роста и худобы, уже вообще практически ничего не надо. Только богатый спонсор.

– У тебя, наверно, был конфликт с женой того бизнесмена? – поинтересовался Денис. – Сцены ревности устраивала? Скандалы в общественных местах?

– Если и ревность, то весьма своеобразная.

– То есть?

– Да не интересуют ее мужчины совсем. Лесбиянка она.

– Зачем же замуж выходила?

– Из-за денег, разумеется. Деньги и общественный статус. Что ей делать-то, после того как в тираж выйдет?

– А балерины что делают? Ведь у балетных артистов тоже век недолгий.

– Ну по-разному. Отдельные танцуют на сцене до семидесяти лет. Ты как считаешь, очень приятно смотреть, как старая женщина пытается стоять на пуантах? Да пусть она хоть трижды великая балерина, но устраивать подобные шоу пенсионеров – это уж слишком на любителя. Надо смотреть правде в глаза. Как ты думаешь, для чего искусство балета изначально было придумано?

– Для красоты, наверное.

– Вот именно. Чтобы на хорошеньких женщин в облегающем трико смотреть. Раньше, когда юбочка приподнималась хотя бы до колена, – уже была сенсация. Искусство балета – эротическое искусство. Про это все забыли.

– Наверное, ты права, – пробормотал Денис, подумав, что в классическом балете действительно мало эротики.

– Просто русская балетная школа последние несколько десятков лет развивалась в атмосфере советского ханжества, поэтому и довели бесплотность всяких виллис-лебедей до крайней точки.

– Про бесплотность поподробнее, пожалуйста.

– Знаешь, какое самое страшное ругательство в хореографическом училище? «Что это за мюзик-холл?!» – Вероника передразнила грозный окрик балетмейстера. – Между прочим,

мюзик-холл и кабаре там всякие – это захватывающее зрелище. А балет теперь нужен только горстке замшелых старушек. Дожили.

– Может, и такой элитарный вид должен существовать?

– Знаешь, что бы эти критики ни писали про мою технику, стиль и так далее, они не понимают главного. Именно я возвращаю балет массовому зрителю! Потому что на воблу сушеную в балетной пачке, как бы она фуэте ни крутила и арабеск ни держала, нормальный человек смотреть не пойдет. А я огромные залы собираю. «Россию» в Москве, «Октябрьский» в Питере!

Похоже, что у Вероники взгляды на искусство балета серьезно расходились с мнением старушек-балетоманок типа Анастасии Аполлинарьевны. Положа руку на сердце, Денису была понятнее и ближе эффектность Вероники, а не чистота балетных позиций.

– Пойдем перекусим что-нибудь?

– Как же ты без мамы готовишь?

– Зачем готовить-то? Сейчас все приличные московские рестораны доставляют блюда на дом. Позвоним куда-нибудь. Ты проголодался?

– Да мне как-то неловко при тебе наедаться. Ты же на этой своей концлагерной диете.

– О, тут тоже свои секреты есть. Если бы я в точности следовала диете от Арден, то я бы не маму напрягала готовкой, а из Америки самолетом заказывала. В общем, не волнуйся за мою диету. Если бы на меня могло повлиять то, кто и что ест рядом со мной, мне бы не удалось стать звездой. Какую кухню предпочитаете, господин сыщик?

– Что-нибудь попроще, без особых наворотов.

– Ага, русскую или европейскую, но не французскую и не японскую. Сейчас сообразим. Думаю, ресторан «Пушкинь» – это то, что доктор прописал.

Надо же, подумал Денис, это ведь и мой любимый ресторан.

А Вероника уже ворковала своим неподражаемым голоском:

– Будьте любезны Виктора Ивановича... Голубчик, это Вероника Кутилина. Организуйте мне доставку обеда в русском стиле для крепкого молодого мужчины. Да, гусика в яблочках, закусок всяких для разнообразия. А мне что-нибудь более легкое во французских традициях. Посмотрите, там моя матушка оставляла вам список того, что для меня годится. Нет-нет, никаких презентов, Виктор Иванович, не потерплю! Все на мой счет, как обычно.

Ничего себе – попроще! Вероника заказала обед, стоимостью соразмерный с месячным заработком какого-нибудь несчастного бюджетника. С другой стороны, наверное, девочка, которая с пяти лет стоит у балетного станка, стирая ноги в кровь на пуантах, имеет право пожить хорошо, сделав звездную карьеру.

Словно прочитав его мысли, Вероника засмеялась:

– Деньги существуют, чтобы их тратить. Привезут в течение часа. Пойдем, я тебе свои сокровища покажу.

Они прошли по просторному коридору с зеркальными стенами.

– Вот мой домашний балетный класс, – распахнула одну из дверей Вероника.

Кремовые стены, огромные зеркала, белый рояль, балетный станок.

– А что это за портрет? Какая-то известная балерина?

– Матильда Феликсовна Кшесинская. Мой кумир.

– Та, что была любовницей Николая Второго?

– Больше ты о ней ничего не знаешь? – усмехнулась Вероника. – Между прочим, танцевала она весьма неплохо, а любовницей была не только Николая, но еще и с великими князьями дело имела. Можно сказать, что крутила роман со всей династией. Во всяком случае, с мужской ее частью. По крайней мере, с теми, кто женщинами интересовался.

Обратив внимание, что Денис в очередной раз чуть поморщился от намеков на гомосексуальную ориентацию известных людей, Вероника начала хихикать:

– Слушай, это очень провинциально – считать гомосексуализм извращением.

– А что это такое, по-твоему?

– Просто индивидуальная особенность. Как цвет глаз или рост. Только в таком отсталом обществе, как у нас, могут из-за этого охи-ахи разводить. Во Франции к такому совершенно нормально относятся. Парижане люди очень искушенные. И в Лодоне тоже ничего. Хотя там как раз когда-то Оскара Уайльда в тюрьму за это отправили.

– Не понимаю я этого, – буркнул Денис.

– Зато я понимаю. У нас в балете мужчины нормальной ориентации – вымирающий вид. И хорошо, кстати. Так легче работать. Мы с детства привыкаем к такому положению вещей.

Денис угрюмо молчал, осмысливая специфику балетного мира. Вероника почувствовала его подспудное неодобрение и добавила:

– Зато вот такие ханжи, как ты, настоящего гомосексуалиста могут разглядеть, только если он надел на себя платье с кружавчиками и губы накрасил. На самом деле очень многие из них выглядят весьма мужественно. Я вот никогда не ошибусь, а ты даже со своей профессией, в которой так важен зоркий глаз, разобраться сможешь, только если мужиков за делом застукаешь.

– Хорошо. Сейчас пари заключать не будем. Потом, если понадобится, привлеку тебя в качестве консультанта по определению скрытых гомосексуалистов. Будешь нашим экспертом по сексуальным меньшинствам.

– Ой, ну хватит об этом! Пойдем, я тебе на жизнь пожалуюсь. Вот уж нет худа без добра или добра без худа – даже не знаю.

Они прошли в гардеробную Вероники, обставленную антикварной мебелью рубежа девятнадцатого-двадцатого веков.

– Представляешь, теперь я не смогу носить свои драгоценности.

– Боишься ограбления? Может, и правда надо поостеречься: Братья напрокат даже удобнее – все понты на публике соблюдены, а ювелирная фирма сама охрану обеспечивает.

– Да при чем тут ограбление! Там, где собирается богемная тусовка, охранников значительно больше, чем грабителей. Украшения крадут обычно из квартир. Так что нечего известным людям жить в обыкновенных домах, не предпринимая достаточных мер безопасности. А то бывает – ни консьержа, ни сигнализации, ни двери железной. Если ты звезда – то все у тебя должно соответствовать звездному статусу. Это тоже наша работа – жить звездной жизнью. Между прочим, весьма утомительная.

– Так в чем же дело?

– Когда я во Франции выступала, со мной фирма «Картье» контракт заключила. Я стала их лицом и должна ходить только в их бриллиантах. Причем именно в тех моделях, которые им сейчас надо рекламировать. А у меня ведь есть собственная коллекция. Поклонники надарили. Многие вещи эксклюзивные, сделаны на заказ специально для меня.

– Разве это плохо? Наверное, спокойнее и выгоднее, чем ногами на сцене махать?

Вероника недовольно поморщилась:

– Пожалуйста, прояви побольше уважения к моей работе. За простое махание ногами столько денег не платят. Знаешь, что мой гонорар за выступление в «России» такой же, как у эстрадных звезд из первой десятки?

– Молодец. И как тебе это удалось?

– Понимаешь, у нас совершенно не умеют заниматься промоушеном. Для любого западного публичного человека – это важная часть его работы. К тому же у нас как привыкли... Вырастили девочек в хореографическом училище, в Большой театр передали – пусть сидят и не рыпаются, ждут своего счастливого часа, рабыни в балетных пачках. Вот Ульяна Лопаткина часто в интервью говорит, что первые года три, пока она в кордебалете стояла, ей пошли на пользу. Ерунда это полнейшая. Научиться плавать можно только в воде, а не на берегу.

– Но может быть, у всех по-разному?

– Что – по-разному? Времени-то нам всем одинаково отпущено. Балетный век короток. После тридцати танцевать уже тяжело. Да и незачем. У нас ведь нагрузки как у спортсменов. Организм изнашивается. У каждого артиста в распоряжении лет десять – пятнадцать максимум, чтобы продемонстрировать все, на что он способен. Если лет пять постоять на заднем плане – можно крест на себе ставить как на артисте. Это у художников или у писателей можно тешить себя иллюзиями, что признают после смерти. А у нас все по факту – или есть успех у публики, или нет.

– Ты такая целеустремленная. Я даже завидую.

Кутилина с серьезнейшим видом закивала:

– Иначе нельзя. Я всегда знала, что буду первой, что добьюсь успеха. Мы с мамой жили в однокомнатной квартирке в Черемушках, после того как они с отцом развелись. Он-то не побрезговал хорошим кусок жилплощади урвать.

Раздался звонок в дверь.

– А вот и наш обед, – по-детски обрадовалась Вероника. – Ты иди принимай у курьера еду, а я пока переоденусь в домашнее.

Она сбросила брючный костюм лимонного цвета от Ив Сен-Лорана, скинула туфельки-лодочки ручной работы и быстро прошла в ванную. Приняв душ, немного поразмыслила, какой наряд выбрать для неспешной беседы на домашнем обеде с Денисом, и остановилась на белоснежном платье из жатого шелка, напоминавшем наряд Наташи Ростовской во время ее первого бала. Покрой достаточно свободный – стилизация под античность, лиф приспособлен под грудь, плечи и руки обнажены, мягкие складки шуршащей ткани спускаются до полу. Может сойти и за домашний балахон, и за бальное платье. Свои густые темные волосы она заколола в классический пучок на затылке.

Когда девушка появилась в столовой, Денис, суетившийся с тарелками, просто ахнул:

– Теперь я понимаю, что значит «гений чистой красоты»...

– Хорошо, что тебе понравилось платье. Я его заказала, когда узнала, что Апраксин будет снимать фильм по Толстому. Никакой войны, только история Наташи Ростовской. Я намерена исполнить главную роль. Как ты думаешь?

– У тебя, конечно, все получится! – восхищенно присвистнул Денис.

– Кстати, завтра состоится презентация новой коллекции «Картье», и меня будут представлять как новое лицо фирмы. Если хочешь, приходи на прием.

– Не уверен, что успею... но очень постараюсь, – неожиданно для самого себя закончил фразу Денис.

– Приходи-приходи. Обожаю вечеринки, особенно в свою честь.

11

Когда Денис ехал в офис, проклиная неудобный и непривычный «фольксваген», позвонил дядя и сообщил глубокомысленно:

– Я тут сделал запрос на Украину. Оттуда часто гастролеры наши тачки воруют...

– И как же они их через границу переправляют?

– Есть способы, – уверил Грязнов-старший. – Ты залезь в свой электронный ящик, там у тебя сводка лежит. Все, пока, некогда мне, фальшивомонетчиков ловлю.

Приехав на Неглинную, где бездельничали Филя с Головановым (они, правда, утверждали, что играют в шахматы, Денис спорить не стал, хотя, бросив взгляд на доску, сообразил, что ходов в лучшем случае было сделано три), он последовал дядиной рекомендации и через несколько минут прочитал следующее:

«Сотрудники Управления уголовного розыска задержали в Киеве группу из четырех человек, которые с осени этого года занимались угоном дорогих иномарок. Руководил группой 25-летний киевлянин, который придумал схему завладения автомобилями. Будущих жертв, водителей престижных иномарок, под разными предложениями заманивали в квартиру, заранее снятую на один день по поддельным документам. Здесь на водителя нападали трое в масках, которые связывали жертву и поили ее водкой, куда подмешивали сильнодействующее лекарство. Завладев ключами водителя, преступники угоняли его авто, которое прятали, чтобы позже, когда уляжется шум, сбыть покупателям. Достоверно удалось установить, что только за последний месяц таким способом были украдены: джип „форд-маверик“, два „ауди“ и четыре „мерседеса“, два из которых числились за Кабинетом министров Украины. Один автомобиль им уже возвращен.

– Как-то это громоздко, – заметил Голованов. – Квартиру снимать. Водкой поить.

– Небось съём квартиры – пара сотен баксов в месяц, не меньше, – поддержал его Филя.

– Ничего, – проворчал Денис. – Они это все с лихвой окупили. Но «форд-маверик», а?! Вот черт! Думаете, есть шансы?

– Да запросто! – в один голос сказали Голованов с Филей. – Может, они и в Москву наведывались. Или с кем-то из наших дела имеют.

Денис тут же перезвонил дяде.

– Чего тебе? – недовольно откликнулся тот.

– Дядя Слава, ты же там знаешь всех, да? Попроси, пусть пришлют данные на «форд-маверик», номер двигателя, кузова, приметы и все остальное. А вдруг?

– Не вдруг.

– То есть?

– Я же сказал тебе прошлый раз, что уже сделал запрос. Это не твоя тачка.

– Нет? – расстроился Денис.

– Нет. Украина – большая страна, там твою машину есть кому воровать и кроме Киева. Просто совпадение.

– Так на кой черт ты мне прислал это письмо, – разозлился Денис, – если уже знал, что мимо кассы?!

– Для профилактики, – последовал мудрый ответ. – Чтобы ты шевелился и что-то делал.

12

Единственным недостатком светских вечеринок Вероника Кутилина считала то, что, согласно этикету, мужчины на них должны были являться в сопровождении своих дам. Даже если это была вечеринка в ее, Вероникину, честь. Ужасно неудобно. Вечно возникает куча конфликтов, а она сама выглядит в роли хищной похитительницы чужих мужей. Хотя, видит бог, она ничего не делает специально. Не виновата же она, что, едва мужчины ее видят, как теряют волю и рассудок и идут за ней, словно крысы на звук волшебной дудочки. Впрочем, правомерно ли сравнение мужчин с крысами? Почему бы и нет. Некоторые из богатеев очень даже похожи на грызунов. Вот недавно ей в покровители набивался один высокопоставленный чиновник из Минфина. Вылитый Крот из сказки «Дюймовочка». Кстати, надо позаботиться о том, чтобы ее стали чаще приглашать на правительственные концерты. Дело, конечно, не слишком хорошо оплачиваемое, зато престижное, и можно завести полезные связи.

– Вероничка, тебе пора собираться. Стилист и визажист приедут к четырем.

– Мамуля, еще полно времени. Черное платье от Гуччи готово? То, которое я в Москве еще не надевала?

– Да, я повесила его в гардеробной. Туфли какие сегодня наденешь?

– Черные на шпильке от Пазолини. Думаю, они в стиль. Мам, я немного поработаю в кабинете, попозже покорми меня чем-нибудь японским. Только сама не готовь, времени нет. Закажи, пусть привезут ассорти из суши.

– Конечно, деточка. Какая ты у меня умница. Нельзя на презентации появляться голодной, легко диету нарушить.

Вероника зашла в кабинет, открыла свой изящный органайзер и стала набрасывать список направлений, которые нужно было проработать в ближайшем будущем. Правительственные концерты, датский Королевский балет, новые афиши, программа для следующего сольного шоу, эскизы костюмов.

Ее многочисленные завистники из балетной труппы даже не представляют, сколько усилий она затрачивает на организационную деятельность. Для успеха мало только фуэте крутить, нужно еще и головой работать. Ей приходится быть самой себе и продюсером, и режиссером, и специалистом по связям с общественностью. Конечно, сейчас, когда она уже на олимпе известности и славы, для всего есть специалисты, которых она наняла. Но стратегические вопросы все равно решает только она сама. Вероника вынула листочек со списком телефонных звонков, которые нужно сделать сегодня до презентации побрякушек «Картье», и начала обзвон.

– Матвей, привет. Надеюсь, ты сегодня будешь? Спасибо, милый... Надо кое-что обсудить. Правда, вряд ли удастся сделать это спокойно, но мы постараемся что-нибудь придумать. Я хорошо знаю этот бутик, там есть где уединиться, – проворковала Вероника и положила трубку.

Итак, зайчик по-прежнему ей предан. Правда, страшно бы разъярился, узнав, как она его про себя называет. Смешно, что люди так переживают из-за своих фамилий. Сейчас ведь просто изменить имя совершенно законным способом. Впрочем, она сама была признательна маме за то, что та не стала ее записывать под фамилией отца. Нелегко быть звездой с фамилией Сидорова. Хотя, когда она наконец решит, за кого выйти замуж, придется серьезно подумать, что делать с фамилией. С одной стороны, ее звездная известность – капитал, который нельзя терять ни при каких обстоятельствах. С другой – достаточно лестно стать какой-нибудь баронессой или графиней.

Следующим по плану был звонок пиарщику.

– Володенька, специализированные балетные издания меня мало волнуют. Не переживай из-за рецензии в «Коммерсанте». Ну выпендрились. Ну сравнили со стриптизом. От этого

только больше публики повалит на мой сольник в «Россию». Мы же не можем контролировать абсолютно все рецензии, пусть будут отдельные мнения, которые не совпадают с нашим видением творчества Кутилиной.

Вероника внимательно выслушала отчет о работе пиарщика за прошедшую неделю и удовлетворенно кивнула.

– Молодец. С гламурной прессой все в полном порядке. Все журнальчики свежие мне приготовь с закладочками, я просмотрю завтра. Да, сделай график интервью и съемок для толстых глянцевого журналов. Проверь, что за фотографы будут работать. Еще позаботься, чтобы того папарацци, что снял меня с полным ртом салата, больше на мероприятия с моим участием не пускали. Ну все, до встречи.

Теперь надо разобраться с коммерческим директором.

– Александр, вы все проверили с банковскими счетами? Те чеки с благотворительными пожертвованиями, что я вам передавала на прошлой неделе, все удалось обналичить? Что у нас сейчас в общей сумме? По поводу вложения в акции я еще не решила. Посоветуюсь с финансистами. Мне деньги достаются тяжелым трудом, и я не готова к рискованным решениям.

Администратор позвонил сам.

– Чудесно, что вам удалось до меня дозвониться. Голубчик, позаботьтесь, пожалуйста, чтобы с гостиницами было все в порядке. В Питере лучше в «Европе», а не в «Невском паласе». Да, белый лимузин обязательно. Минеральная вода только «Перье». Обязательно чтобы стояла в примерке. Все, извините, мне пора бежать.

Сделав еще несколько звонков, Вероника выбежала в столовую.

– Мамуль, все готово? Чудненькие суши.

– Вероничка, а как твои дела с детективным агентством?

– Все нормально. Грязнов трудится. Похоже, он мной очарован. Имела с ним доверительную беседу.

Звонок в дверь прервал семейный разговор. Приехали стилист с визажистом, чтобы подготовить Веронику к презентации. Позже, уже в бутике фирмы «Картье», Вероника с удовольствием отметила, что они потрудились на славу, сделав ее внешность не просто эффектной, а божественной. Массивное кольцо белого золота с крупными бриллиантами, тяжелые браслеты из того же гарнитура и диадему ей помогли надеть уже в бутике. Было рискованно путешествовать с такой «нагрузкой» даже в охраняемом автомобиле. Украшения были стилизованы под Древний Египет. Вероника выглядела лучше, чем Элизабет Тейлор в «Клеопатре». Хорошо бы выкупить у них этот комплект по специальной цене. В ее коллекции он займет достойное место...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.